

Дорогая Эмми Блю

Автор:

Лиa Луис

Дорогая Эмми Блю

Лиa Луис

Жизнь прекрасна! (АСТ)

Эмми и Лукас родились в один день, в один год, и история их знакомства удивительна: Эмми отпустила в небо воздушный шарик с пожеланием найти друга, и, пролетев сотни миль и два океана, он приземлился на пляже Франции, где его обнаружил Лукас. Всё это не может быть случайным совпадением, правда?

Четырнадцать лет спустя, накануне своего тридцатилетия, Эмми надеется, что Лукас наконец-то признается ей в любви.... А вместо этого узнает, что он собирается жениться на ком-то другом!

Теперь Эмми буквально стоит на осколках всего, во что верила, и чувствует, как мечты ускользают сквозь пальцы. Но что, если ее история только начинается?

Лиa Луис

Дорогая Эмми Блю

Lia Louis

DEAR EMMIE BLUE

Публикуется с разрешения автора и литературных агентств Caskie Mushens Ltd. и Prava I Prevodi International Literary Agency.

© 2020 by Lia Louis

© Смирнова А. С., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

«Великолепный роман о том, что не все вещи, о которых мы мечтаем, на самом деле принесут нам счастье. Вы полюбите эту прекрасную историю!»

Джоди Пиколт, автор бестселлеров New York Times

«Бесконечно трогательная и романтическая история о героине, которой сопереживаешь до самого конца»

The Washington Post

* * *

Джульетте.

Никому другому эта книга посвящена быть не могла.

* * *

Запуск воздушных шаров

по случаю юбилейного выпуска 2004 года

школы Фортескью-Лейн:

50 лет качественного образования!

Эмми Блю, 16 лет, класс IIR

Старшая школа Фортескью-Лейн, Рамсгейт, Кент, Соединенное королевство

Emmeline.Blue.1999@fortescue.kent.sch.uk
(mailto:%20Emmeline.Blue.1999@fortescue.kent.sch.uk)

1 июля 2004

Если этот воздушный шарик когда-нибудь и найдут, только ты будешь знать правду. Это была я. Я та самая девушка с Летнего бала. И я ничего не выдумывала.

Глава первая

Я была готова, совершенно готова к тому, что он это скажет. Так готова, что вся сияла, и представляю себе, какими красными были в тот момент мои щёки – как у беспризорников в романах Чарльза Диккенса; эдакий сияющий помидор. Всего пять минут назад всё было идеально, а я нечасто говорю это слово, поскольку даже то, что порой кажется идеальным – люди, поцелуи, сэндвичи с беконом – оказывается совсем не таким. Но здесь всё было идеально. Ресторан, накрытый

стол, горящие свечи, пляж за верандой, тихий плеск волн и вино, очень похожее на то, что мы пили девять лет назад, в наш двадцать первый день рождения – названия я, конечно, запомнить не смогла. Волшебные огни гирлянд, оплетавших колонны деревянной беседки, где мы сидели. Морской бриз. Даже мои волосы были уложены безупречно – впервые с того раза... хм, да, видимо, с того единственного раза, который был в те незапамятные времена, когда я еще слушала музыку на своем «Сони Уокмэне» и надеялась, что Джон Бон Джови ни с того ни с сего заявится в Рамсгит и пригласит меня на бургер и картошку фри.

И Лукас. Конечно же, Лукас, но он всегда настолько близок к идеалу, насколько вы можете себе представить... Я закрываю глаза, прижимаю ладонь ко лбу, колени – к холодному полу туалета и думаю о нём, сидящем в соседней комнате. Очень красивый, в классическом, английском понимании этого слова. Кожа, чуть загоревшая под солнцем Франции. Накрахмаленная белая рубашка, открытая у воротника. Когда мы только что сюда приехали, всего пару часов назад, и тут же заказали вино и закуски, я смотрела на него и мечтательно думала – интересно, кем мы кажемся другим посетителям, обласканным в лучах заходящего солнца? Кем мы кажемся незнакомцам, с туфлями в руках гуляющим по пляжу мимо нашей веранды? Может быть, счастливой парой, празднующей в ресторане какую-то важную дату? Годовщину свадьбы? Или решившей устроить свидание, удрав от детей? Двоих. Мальчика и девочки.

– Я так волнуюсь, Эм, – наконец начал Лукас, нервно хихикнув, постучав пальцами по столу, покрутив кольцо на указательном пальце, – но я хочу тебя попросить...

И в этот момент, за этим столом, в этом ресторане – в туалете которого я сейчас прячусь – я осознала, что готова и уверена в своём ответе больше, чем когда-либо была уверена в чём угодно. Готова и хочу сказать да. Я даже заранее продумала, как я это скажу, хотя Роза и считала, что если продумать заранее, получится натянуто, как будто на самом деле я не хочу говорить да, как будто, как она выразилась, «тебе в спину упирается пистолет маньяка, Эмми, потому что именно так ты и говоришь, когда нервничаешь». Но я всё равно проиграла этот сценарий в голове сегодня утром. Я хотела сказать что-нибудь милое и остроумное, вроде «и чего ты так долго ждал, Лукас Моро?» – и чтобы он потянулся ко мне через стол, покрытый скатертью с зубчатым краем, какими в «Ле Риваже» всегда накрывали маленькие круглые столики, и сжал мою руку. И чтобы мы побрели назад по пляжу, и Лукас, как всегда, показывал мне то самое место, где много лет назад нашёл мой воздушный шарик.

Он, конечно, целовал бы меня. В машине. Он бы остановился, медленно склонился ко мне и поцеловал бы, придерживая ладонью мой подбородок. Лукас поцеловал бы меня впервые за четырнадцать лет, и мы оба ощутили бы вкус мидий мариньер и мятных конфет, которые приносят на блюде вместе с чеком, и после стольких лет я наконец смогла бы выдохнуть. Потому что всё пережитое того стоило. Четырнадцать лет дружбы и шесть лет подавленного желания сказать, что я к нему чувствую, сегодня должны были привести к желанному финалу.

Вот чего я ждала. Не этого. Не того, что я буду сидеть, скорчившись в туалете, этим идеальным вечером, в нашем идеальном ресторане, на нашем идеальном пляже, после идеального ужина, который теперь, наполовину переваренный, смотрит на меня из унитаза, как бы символизируя полнейшую, мать её, катастрофу. Я ждала, что скажу да. Несколько минут назад я думала – слово вертелось на кончике языка, спина была прямой, в глазах сияли звёзды – что скажу да, и из самых лучших и преданных друзей мы наконец станем парой. За день до того, как нам исполнится тридцать. Потому что какой ещё вопрос Лукас не мог задать мне по телефону?

Мне казалось, я сумела скрыть изумление, резко ударившее меня, как сильная пощёчина, и мучительную, тошнотворную боль, сжавшую желудок, пока мой мозг медленно впитывал его слова, как пирог впитывает приторный сироп. Наверное, я раскрыла рот и глупо уставилась на Лукаса, потому что его улыбка угасла, глаза сузились в щёлки – верный признак беспокойства.

– Эмми?

И я сказала именно это. Потому что, глядя на него через стол, не могла сказать ничего другого.

– Да.

– Да? – повторил он, приподняв светлые брови, расслабив широкие плечи.

– Да, – вновь сказала я, и прежде чем смогла выдавить ещё хоть слово, хлынули слёзы. И здесь, я должна сказать, я справилась мастерски. Потому что, с точки зрения Лукаса, это были слёзы не боли, не опустошения, не страха. Это были счастливые слёзы. Слёзы радости и гордости за моего лучшего друга,

решившего принять важное решение, слёзы умиления, оттого что я стала частью такого важного события. Вот почему он облегчённо улыбнулся. Вот почему встал со стула, обошёл круглый стол, на котором горели свечи, наклонился и обвил меня сильными руками.

– Ну ладно тебе, Эм, – смеясь, прошептал он мне в ухо. – Так-то уж не реви. Люди подумают, что я какой-нибудь сукин сын, разбивший тебе сердце.

Очень смешно. Именно так оно и было.

И вот оно: жар, поднявшийся от живота к груди.

– Мне нужно в туалет.

Лукас отошёл в сторону, и я молила лишь об одном: чтобы он не задавал вопросов, чтобы не смотрел мне в глаза. Он бы всё понял.

– Что-то голова болит с утра, – врала я, – может, мигрень, ну, сам знаешь. Приму таблетку, умоюсь... – будто я размазала макияж. Но ведь в фильмах так и говорят, да? А всё, что сейчас произошло, казалось ненастоящим. Таким оно кажется и теперь, когда я обнимаю этот общественный, пусть и сияющий, унитаз, забрызганный остатками вина и пищи, которую мы, счастливые и сияющие, заказали всего час назад.

Женится. Лукас женится.

Через девять месяцев человек, который был моим лучшим другом целых четырнадцать лет, человек, которого я люблю, станет мужем женщины, которую он любит. Другой женщины. А я буду стоять рядом с ним у алтаря в качестве подружки жениха.

Глава вторая

В дверь кабинки стучат.

- Excusez-moi? ?a va?'[1 - Простите, с вами всё в порядке? (франц.)]

Меня всегда рвало очень громко. Я издаю такие стоны, будто меня изо всех сил бьёт в желудок профессиональный рестлер, и, полагаю, добрая обеспокоенная женщина по ту сторону кабинки хочет убедиться, что с ней такого не произойдёт, если она зайдёт помыть руки.

- Да, - отвечаю я, - всё о'кей. Мне просто нехорошо... malade. Да. Je suis malade.

Женщина задаёт мне на французском ещё какие-то вопросы, которых я не понимаю, но улавливаю слова «партнёр» и «ресторан». Потом она умолкает, и я слышу шорох её шагов. Дверь тихо скрипит, будто женщина прижимается к ней ухом.

- Позвать кого-нибудь? С вами точно всё в порядке?

Голос молодой. Взволнованный. Видимо, эта женщина помогает всем подряд, как Мари. Мари всегда остановится, чтобы помочь любому пьянице перейти улицу, и будет говорить с ним тихо, спокойно, и мысль, что у него за спиной нож и что она очень даже может не дожить до пенсии, не проникнет в её в принципе хорошо работающий мозг. Ничего удивительного, правда? Ничего удивительного, что они вновь сошлись. Ничего удивительного, что он на ней женится.

- Эй? - снова зовёт женщина.

- Нет. Нет, - мой голос кажется мне натянутым и писклявым, - не волнуйтесь. Всё нормально. Merci. Merci beaucoup.

- Вы уверены? - она сомневается.

- Да. Но спасибо. Спасибо большое.

Она говорит что-то ещё, чего я не понимаю, потом я слышу скрип петли и тихий стук двери под романтические ноты классической музыки, доносящиеся из динамика. Я краснею и медленно поднимаюсь на ноги. Колени покалывает. Рассыпавшиеся локоны - все мокрые. Не могу поверить, что меня ни с того ни с

сего стошнило. Так внезапно. Так сильно. Всё равно что героинь «Эммердейла»[2 - Британская мыльная опера 1970-х о жизни на ферме.], которые бросаются в туалет, услышав шокирующие новости, и торчат там, напряжённно таращась в сливное отверстие. Ах, как драматично, думаю я теперь, глядя на себя со стороны, как на персонажа сериала. Но, похоже, за мои почти тридцать лет меня ещё не били в живот настолько сильно.

Я достаю телефон, снимаю блокировку, открываю нашу переписку в ватсап. Инстинкт, на который реагируют пальцы, прежде чем мозг успеваает воспротивиться. Привычка. В первую очередь я всегда захожу сюда. Лукас Моро был онлайн в 18.57. Сейчас он, конечно, оффлайн. Он сидит по другую сторону туалетов, на залитой волшебным светом, выходящей на пляж веранде, напротив пустого стула, за полусъеденной тарелкой мидий в чесночном соусе и ждёт меня. Я просматриваю наши последние сообщения, отправленные несколько часов назад.

Эмми: Рядом со мной сидит мужчина и ест кальмаров из пакета для заморозки! Фууу! СПАСИ МЕНЯ!

Лукас: Ахаха, серьёзно?

Эмми: Сейчас в обморок упаду от вони!

Лукас: Буду ждать тебя с нашатырным спиртом. Ты справишься, Эмми Блю, ты сильная! Ты крепкий орешек.

Он всегда так говорит. Таков ответ Лукаса на все мои тревоги, все мои сомнения. Он сказал именно это, когда мне было семнадцать, я осталась совсем одна в Рождество и позвонила ему, надеясь, что он возьмёт трубку и я услышу его голос. Когда я уехала из Рамсгита и перебралась в город по соседству, подальше от перешёптываний и взглядов в коридорах колледжа. Когда четыре года назад мой парень Адам бросил меня в маленькой квартирке, которую мы начали снимать вдвоём. Последний раз, когда Лукас это сказал – не считая эпизода с кальмарами – был восемнадцать месяцев назад. Я тогда наконец оставила попытки в одиночку снимать квартиру и переместилась в маленькую, жаркую в любую погоду комнатку со сварливой владелицей. «Ты справишься, –

сказал он мне по фейстайму, когда мы оба лежали каждый в своей постели, – ты крепкий орешек, Эмми Блю. Помни об этом». Интересно, что он сказал бы теперь, если бы я оказалась в этой туалетной кабинке по вине кого-то другого? Наверное, посмеялся бы, а потом сказал: «Господи, Эм, да как такое вообще могло случиться?» А потом: «Ну так ему и надо. Если он не понял, какое ты сокровище...»

Я кладу телефон обратно в сумку, мою руки мылом, пахнувшим, как кондиционер для белья, и выпрямляю спину перед длинным рядом зеркал. Теперь по мне не скажешь, что меня по-прежнему мутит и трясёт и моё сердце разбито. Я такая же хорошенькая и сияющая, как два часа назад, когда выехала из дома родителей Лукаса. Только тушь в уголке глаза размазалась, но я тут же её стираю. Всё хорошо. Он не должен ничего узнать. Тем более теперь.

Я открываю дверь, на секунду останавливаюсь, чтобы пропустить двух улыбающихся, пахнущих духами женщин, и выхожу – уверенная, прямая, насколько это у меня получается. Тихая болтовня звучит в унисон со звоном бокалов, стуком столовых приборов по тарелкам и приглушённой музыкой. Воздух густой, как всегда в «Ле Риваж». Пахнет чесноком, лимонами и морем. Этот ресторан – одно из моих любимых мест. И всегда им был. Мои лучшие воспоминания впечатались в его стены, в древесину пола. Столько бесконечных летних дней и бесцельных пляжных прогулок за последние тринадцать лет приводили нас сюда. Мы проезжали целые мили, чтобы добраться до ресторана – Лукас, только что закончивший универ, и я, только что получившая работу администратора. Мы медленно ехали мимо огромных замков и ветхих коттеджей четырехсотлетней давности, мечтая о том, какие из этих домов станут нашими и что в них мы переделаем, а что оставим. Конечно, каждый раз, можно сказать, по традиции, в Онфлёре Лукас сбивался с маршрута, и ему приходилось останавливаться и спрашивать у фермеров дорогу, но мы всё-таки её находили. И здесь, под шипение гриля на открытой кухне и спокойный гул волн, восстанавливали свои силы: закусками, солеными чипсами, посыпанными розмарином, а иногда одним только пивом. В этих стенах мы говорили обо всем на свете. Но больше всего – о будущем, о том, что нас ждёт. Интересно, думали мы когда-нибудь о том, что может случиться такое? Не в смысле, что Лукас решит жениться, а... Думали мы когда-нибудь, что такое возможно? Что между нами встанет нечто, меняющее всё? Меняющее нас?

Я прохожу через открытые стеклянные двери и вижу Лукаса раньше, чем он видит меня. Здесь тихо. Нежный шелк моря, красивый вид, исчезающий в лучах

заходящего солнца, как в старом фильме. Лукас смотрит на фиолетовый горизонт, оперевшись на стол, потирая подбородок. Повернувшись, видит меня, и его лицо тут же расплывается в сияющей белозубой улыбке. Он беспокоился за меня. Я это вижу.

– Эй, – говорит он, – всё в порядке?

Я стою, вцепившись в изогнутую деревянную спинку стула. Я киваю и натянуто улыбаюсь, но не думаю, что смогу заставить себя сесть напротив него за незаконченный обед. Я думала, что смогу, но я не могу. У меня болит горло. Во рту привкус желчи. И, глядя на него, на серо-голубые глаза, на россыпь веснушек, которые я знаю все до одной, я чувствую, что вот-вот разрыдаюсь. Катастрофа. Лукас понятия не имеет, что случилось по его вине. Настоящая катастрофа. Совсем не то, что я себе представляла во время долгого пути сюда на переполненном вонючем пароме.

– Ты не против, если я пойду в номер?

Он встаёт, разглаживает складки белой рубашки.

– Нет. Нет, конечно же не против. Но, Эм, ты точно в порядке?

– Мне просто нехорошо. Наверное, лучше лечь в постель и как следует выспаться. Чёртова мигрень! – мой неискренний смешок напоминает рёв мотоцикла.

– У тебя уже давно не было мигрени, – говорит он. – Последний раз, кажется, в Лондоне, в кинотеатре, да? У тебя таблетки с собой?

Я смотрю на него и чувствую, как мое сердце сжимается и подпрыгивает, будто кто-то резко бьёт по тормозам. Два года назад Лукас приехал в Лондон по работе – на какую-то архитектурную конференцию, куда французская фирма, где он работает, посылает его раз в год. Мы встретились на южном берегу под жарким июльским солнцем в очереди в кинотеатр, и у меня перед глазами вдруг заплясали зигзаги, в голове, как часы, застучала тупая боль. Мы покинули очередь и пошли в гостиничный номер Лукаса на десятом этаже, где я выпила обезболивающее, которое всегда ношу с собой в сумке, и уснула. Занавески не пропускали солнце, Лукас молча работал, и синий свет ноутбука освещал его

лицо. Когда я проснулась несколько часов спустя, он набрал мне ванну и, пока я там мокла, через дверь выкрикивал мне вопросы викторины, идущей по телевизору, а я отвечала. А потом, когда мы лежали на кровати с подносом еды, выключив свет, и смотрели эту дурацкую викторину девяностых, я сказала ему, что рядом с ним чувствую себя ближе всего к дому, который искала всю жизнь. И он это помнил. Он помнил тот вечер, как и я, помнил многие наши вечера вместе – и вот чем всё кончилось.

– Таблетки остались в комнате, – говорю я. – Мне просто нужно немного отдохнуть.

Лукас кивает, обеспокоенно сузив глаза.

– Давай попросим счёт. Простите. – Он мягко берёт под руку проходящего мимо официанта, извиняется, спрашивает, можно ли расплатиться. На французском, конечно. На идеальном французском, которому он, смеясь, пытался меня учить и говорил, что я произношу слова, как пьяная Дирдри Барлоу[3 - Персонаж английской мыльной оперы «Улица Коронации», самого длинного сериала в истории, идущего с 1960-го года по настоящее время.], заблудившаяся в Марселе. За столько лет я выучила лишь несколько базовых фраз. Больше ничего не отложилось.

– Люк, я могу просто вызвать такси.

Брови Лукаса изумлённо взмывают вверх, будто я сказала нечто неприличное.

– Смеёшься, что ли? Мы только что приехали. У нас все выходные.

– Но... как же Мари? Ты же хотел, чтобы мы встретились с ней после десерта, отметили...

– Ничего страшного, Эм. Я ей позвоню.

Приносят счёт, Лукас передаёт официанту веер банкнот, сдачу просит оставить себе. Двенадцать лет подряд мы оплачиваем ужин по очереди, и сегодня черёд Лукаса. Я стараюсь не слушать тихий и грустный голос в моей голове, который говорит мне, что мой черёд – учитывая его свадьбу и моё разбитое сердце – не

наступит никогда.

– Ну что, – Лукас надевает тёмно-синий пиджак, расправляет лацканы. – Готова идти?

Я киваю, и он, улыбаясь, протягивает мне руку. Моё сердце вновь падает, и я беру его руку – а что ещё мне остаётся? Я люблю его. Я согласилась стать подружкой жениха у него на свадьбе, потому что я люблю его. Моего лучшего друга. Моего единственного друга. Мальчика, который четырнадцать лет назад нашёл мой воздушный шарик и, прорвавшись сквозь все трудности, сквозь дожди, шторма и мили океана, нашёл меня.

Глава третья

Рози: Ну чего, это наконец случилось? Кажется, так делают французы, когда хотят с кем-то завести серьезные мутки?

Рози: Да, я сказала «серьезные мутки». Ну и чего?

Рози: PS: Надеюсь, всё прошло отлично?

Рози: PPS: Вы там трахаетесь, что ли?

Я подношу телефон к раздутому лицу, щурю распухшие, больные глаза от яркого света экрана. После этих четырёх сообщений в ватсапе она прислала мне фото, и, несмотря на всё, что я сейчас чувствую, я смеюсь. Рози стоит на белоснежном кухонном полу, прикрыв руками рот, распахнутый в притворном изумлении, а Фокс, наш начальник-подкаблучник, припал на одно колено и протягивает ей круассан, как кольцо с бриллиантом. Да уж, иронично. Лукас именно так и сделал предложение Мари – с помощью завтрака в постель. «Семнадцать пирожных, а в центре кольцо», – рассказал он, смеясь.

Я закрываю переписку. Я не могу заставить себя ответить. Я всё расскажу потом, завтра или, может быть, во вторник, когда мы встретимся на работе. К тому времени я уже что-нибудь придумаю, найду скрытый смысл. Ведь всё случается не просто так, верно? Даже то, что поначалу кажется безнадежным, неправильным, разрушительным. Все три часа с тех пор, как я покинула ресторан, я пытаюсь выбраться из затягивающего меня болота с помощью этих слов: на всё есть причина.

Просто пока я её не вижу.

Поездка на машине от ресторана до родителей Лукаса в Ле-Туке, казалось, заняла больше времени, чем обычно, и Лукас всю дорогу весело болтал, а я кивала и издавала все нужные звуки, пока знакомые зеленые поля и крошечные французские деревушки, размытые за окном, проносились мимо. Он провёл меня от подъездной дорожки к увитому плющом коттеджу своих родителей, через боковые ворота, по саду, в пристройку. Я быстро открыла эту пристройку, из последних сил пытаюсь бороться со слезами, подступавшими к глазам на протяжении всей нашей поездки. Каждый мой приезд Аманда, мама Лукаса, вручала мне ключ от пристройки в белом конверте формата А5, как будто я приезжала в отель. Теперь он лежал в моей липкой ладони, и Лукас хотел войти в пристройку следом за мной. Стоя в дверном проеме лицом к нему, я видела по его позе – руки в карманах, плечи напряжены, одна нога стоит на пороге, взгляд направлен в маленькую кухню – он хочет войти следом за мной, как обычно. Скинуть обувь, броситься на кровать, переключать каналы, пока я в ванной натягиваю пижаму и сквозь приоткрытую дверь рассказываю о наших новых странных посетителях. Но нет – я лишь поблагодарила его за ужин и ещё раз извинилась, сославшись на мигрень.

– Ну, отдыхай, Эм, – сказал он, – и звони, если буду нужен, хорошо? Больше в доме никого нет. Я, можно сказать, твой личный лакей.

– Всё будет нормально.

– Я серьёзно, – он наклонился ко мне, прижался тёплой щекой. – Счастливого последнего дня двадцатидевятилетней. Жду не дождусь, когда мы проснёмся взрослыми тридцатилетними людьми, которые точно знают, что им делать со своей жизнью. А ты?

– Конечно, – я широко улыбнулась ему, а потом, закрыв за собой дверь, разразилась горячими, глухими слезами в абсолютной темноте.

Вот и всё, чем я занималась столько времени. Плакала. Я и сейчас плачу, завернувшись в толстое пуховое одеяло; щёки горят, глаза распухли, и размокший бумажный платок, которым я несколько часов подряд вытирала нос, осыпается хлопьями.

Подружка жениха. Подружка жениха. Что это вообще такое – подружка жениха? Свидетель – ясное дело. Подружка невесты – само собой. Но... подружка жениха? «Ежу понятно, – сказал Лукас в числе других сбивчивых фраз, – что никто другой – честное слово, ни одна живая душа не знает меня так, как ты, Эмми. Это можешь быть только ты». Уфф. Я держалась с таким достоинством. Не зря репетировала ответ.

– Мы женимся, Эм, – он весь светился. – Мы с Мари. И... я так хочу, чтобы ты стала подружкой жениха на моей свадьбе. Я хочу этого больше всего на свете. Чтобы ты на моей свадьбе стояла рядом со мной. Что скажешь?

Ты. Рядом со мной. На моей свадьбе. Меня так трясёт, что стучат зубы, и я накрываю голову подушкой. Сначала рвота. Потом бесконтрольные рыдания. Распухшее лицо. И вот теперь лихорадка. В романтических песнях такого не поют, правда? Даже доктор Хук[4 - Dr. Hook & the Medicine Show (1969–1985) – американская

(<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D1%91%D0%9F%D0%BE%D0%BF-%D1%80%D0%BE%D0%BA>)-группа

(<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D0%BA-%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%BF%D0%BF%D0%B0>).]. Не существует веб-страниц о разбитых сердцах, как, например, об инфекциях мочеполовых путей, а должны бы быть.

Только представьте себе:

Вам требуется медицинская помощь, если:

- Вы так много плакали, что ваши глаза куда-то пропали;

- Ваш голос охрип и теперь в точности как у Барри Уайта[5 - Американский певец в стиле ритм-энд-блюз, обладатель очень низкого баритона.];
- Налицо признаки помутнения рассудка: к примеру, вы соглашаетесь стать подружкой на свадьбе лица, вызвавшего эти симптомы.

По ту сторону пухового одеяла грохочет кондиционер, как кипящий чайник, на улице липкая летняя жара. Моя заплесневелая комната дома на Фишерс-Уэй по сравнению с этой – крошечная печь. Мне там так жарко, что, если температура поднимается выше двадцати трех градусов, я ложусь спать, уверенная, что к утру хозяйка квартиры вместо меня обнаружит высушенную мумию – изюм в пижаме. Тут, в доме Моро, это, по крайней мере, не произойдет. Даже в самые мрачные времена всегда важно, по возможности сосредоточиться на положительных моментах. Неважно, если их мало. Неважно, если их совсем мало.

Я стягиваю одеяло, сажусь в кровати, прижимаю ладонь ко лбу, который, по иронии судьбы, начинает пульсировать теперь от настоящей мигрени, и включаю лампу на прикроватном столике. На пароходе я на пальцах посчитала, что встретила тринадцать своих – наших! – дней рождения здесь, в саду Моро. Самый первый – когда нам с Лукасом исполнилось по семнадцать. Девятое июня две тысячи пятого года. Я в первый раз в жизни остановилась здесь, второй раз в жизни увидела Лукаса, но его родители отнеслись ко мне как к члену семьи, который приезжал сюда тысячу раз. «Лукас только о тебе и говорит», – признался Жан, когда показывал мне пристройку. А потом, пожав плечами, он засмеялся почти виновато, как бы желая сказать, что тот, кто так важен для нашего сына, важен и для нас. Родители Лукаса купили нам по праздничному тарту, а потом отвели в «Ле Риваж», который тогда только открылся и пах свежей краской и деревом. Это был один из первых ресторанов, где я побывала, и я слишком смущалась, чтобы признаться им. А на следующий день мы с Лукасом, его старшим братом Элиотом и несколькими друзьями пошли в клуб, и хотя я совсем не танцевала, это был один из лучших дней моей жизни. Не потому что мне было весело. А потому что они видели меня одной из своих. Не «той девчонкой из Фортескью-Лейн», а просто Эмми Блю с коктейлем в руке, Эмми Блю, наконец-то закончившей школу и поступившей в колледж. А завтра наш четырнадцатый день рождения вместе, и нам исполнится тридцать.

Тридцать лет. Возраст, который много лет назад виделся мне как приз на дальней дистанции, как тихая гавань, как тёплый свет среди мрака. К тридцати все уже разобрались со своей жизнью, разве нет? В тридцать ты взрослый человек, полностью сформированный, и точно знаешь, кто ты есть. Или, во всяком случае, точно знаешь, куда направляешься, даже если ещё туда не добрался.

Я тянусь к чемодану, ставлю его на кровать. Открываю. Вещи аккуратно лежат внутри, в точности как я упаковала их прошлой ночью, вне себя от волнения и предвкушения того, что случится, когда он мне признается. Когда Воздушная Девочка скажет да Воздушному Мальчику спустя четырнадцать лет.

Я достаю чёрную подарочную коробку, лежащую среди одежды, и снимаю крышку.

– Так что именно сказал Лукас в ответ на твои слова? Перед Новым годом? – спросила Розы во время обеденного перерыва. Всё, что мы узнали друг о друге – я и Розы – мы узнали, делись историями из жизни, анекдотами, тревогами, надеждами и воспоминаниями в крошечные, как герметичные капсулы, полчасовые перерывы на обед.

– У него выдалась паршивая ночь. Домой он добрался уже после полуночи – по французскому времени – а я давно была дома и слушала Джулса Холланда[6 - Британский джазмен (род.1958).], так что мы говорили по фейстайму. Лёжа в постели. Каждый в своей.

– Ооочень сексуально, – Розы округлила глаза и улыбнулась. – Ты сказала ему, что твоя мечта в этом году – встретить свою половинку?

– Влюбиться, – поправила я. Похлопав ресницами, она велела:

– Расскажи мне ещё раз, что на это ответил Лукас.

– Он сказал, что я дерзкая, – я рассмеялась. – Сказал: «Чёрт, Эм, ну ты дерзкая». А потом уснул, потому что прилично накачался виски, но перед этим пробормотал, что, кажется, понял, почему нам обоим так не везёт в любви.

Может быть, мы просто созданы... друг для друга.

Рози пискнула и с силой сжала мои кулаки.

– О Господи, Эмми, сегодня он точно тебе всё скажет, ты же понимаешь, да? Вот почему он не мог по телефону – потому что вдруг ты бросишь трубку, или испугаешься, или ещё что-нибудь. Красиво же, правда? Так красиво! После стольких лет...

Я смотрю на раскрытую подарочную коробку, лежащую передо мной на кровати. Кожаного альбома для рисования, сделанного на заказ несколько недель назад, на обложке и в углу каждой страницы которого выбиты инициалы Лукаса, после разговора с Розой мне показалось недостаточно. Она была права. Это было красиво. Было бы красиво. Мужчина и женщина, которые встречались, несмотря на все преграды, когда нуждались друг в друге особенно остро. Которые родились в один год, в один день, оба обожали дрожжевую пасту «Мармайт» и сериал «Жёны футболистов» [7 - Паста «Мармайт» – пряная пищевая паста, изготовленная из концентрированных пивных дрожжей с добавлением витаминов, трав и специй. «Жёны футболистов» – английский телесериал о жизни жен футболистов и их подруг; выходил с 2002 по 2006 года.]. Кто-то скажет, совпадения, но я считала иначе. И мне хотелось подарить ему нечто большее, чем просто приятный сюрприз на день рождения. Тогда я купила коробку, которая сейчас лежит напротив меня, и на салфетке набросала список того, что положу в эту коробку.

Я достаю конверт, где лежит, распечатанная, наша первая переписка, ещё когда мы были незнакомцами. Тема: я нашёл твой воздушный шарик! Достаю банку «Мармайта», тяжёлую, как пресс-папье. Вдвое больше той, что я отправила Лукасу вместе с записью моей французской речи на диктофон, чтобы он её проверил, прежде чем я покажу её учителю. «Мармайт» я отправила потому, что он сказал, что, когда он скучает по дому, больше всего ему не хватает именно этого, а ещё сериала «Жители Ист-Энда» [8 - «Жители Ист-Энда» – одна из самых популярных британских мыльных опер, где показана повседневная жизнь простых обитателей вымышленного округа Уолфорд в восточной части Лондона.] и жареного горошка – прежде чем он переехал во Францию, его домом был северный Лондон. В обмен на «Мармайт» он отправил мне CD-диск. Вот когда это началось. Маленькая благодарность перешла в ритуал, понятный только нам. Я отправляла ему что-нибудь из дома, а он в обмен посылал мне диск с маленьким

письмом. Восемь дисков. Девятый он мне должен. Самый первый лежит в коробке. И, несмотря на крошечную трещинку на пластиковом корпусе и загнутые края вложенной записки, он всё ещё идеален. Чёткий почерк Лукаса, тёмно-синие чернила. Все прямые заглавные буквы выведены спокойно, уверенно, медленно. Сейчас его почерк изменился, стал размашистее и энергичнее, потому что он занят чем-то большим, лучшим.

Я не смогу. Я не смогу завтра вручить ему эти вещи – историю нашей жизни, изложенную в предметах. На смогу передать её через стол в патио Аманды и Жана Моро. Всё, кроме компакт-диска, я убираю обратно в чемодан, оставив лишь один-единственный, безобидный дружеский подарок – альбом для рисования.

Я кладу его на тумбочку и прижимаюсь к подушке.

Мой телефон освещает комнату сообщением о футбольных новостях. Я хочу выключить телефон, но смотрю на время. 00.33. Ну вот и всё. Мне официально исполнилось тридцать. Мне тридцать лет, и я с уверенностью могу сказать, что понятия не имею, куда двигаюсь.

Я закрываю глаза, прижимаю колени к животу. Я никогда не думала, что вот так буду встречать тридцатый день рождения. Чувствовать себя такой ничтожной. Жалкой. Ничего не значащей. Потому что глубоко внутри я знала: я действительно крепкий орешек. По крайней мере, с возрастом и опытом моя кожа стала толще, а сердце – мягче, но в тех местах, где оно было особо хрупким, материал уплотнился. На меня влияло всё, что ранило, пугало, согревало и радовало.

И, конечно, Лукас тоже влиял на меня. Конечно, радовал. Но и согревал. Давал чувство безопасности. Я начала становиться новой Эмелиной – новой Эмми – после того Летнего бала, когда мне исполнилось шестнадцать. Медленно, шаг за шагом. Но с того самого первого сообщения Лукас начал мне в этом помогать. Поддерживал каждое моё решение, каждый крошечный шаг, как будто он был огромным рывком вперёд. Мои глаза жгли слёзы. Я знала – так знаешь, только если всю свою ответственность перекладываешь на интуицию – что должна радоваться шагу Лукаса, этому гигантскому прыжку, как бы больно мне ни было. Это мой долг. Долг лучшей подруги.

Я держу в руке диск. Снова просматриваю список треков, прежде чем закрыть глаза.

CD-диск № 1

Дорогая Воздушная Девочка,

Трек 1. Потому что ты прислала мне запись на французском

Трек 2. Потому что твой вкус по части бой-бэндов оставляет желать лучшего

Трек 3. Потому что твоя фамилия – Блю

Трек 4. Потому что ты ешь только яичницу и картошку

Трек 5. Потому что я всегда буду рядом

Воздушный Мальчик.

x[9 - «X» в конце английских писем является частью своеобразного неформального этикета и означает поцелуй. Один крестик ставят в письме как знак симпатии, два ставят друзьям, три – возлюбленным.]

Глава четвёртая

Со столиком посередине внутренний дворик семьи Моро в тени навеса напоминает безупречный интерьер из журнала House and Garden. На накрахмаленной белой скатерти расставлены блюда с тёплой золотистой выпечкой и пирожными, тарелки с рубиново-красной клубникой и влажной черникой и, конечно же, по традиции – два праздничных торта, которые гордо висят по обоим концам стола. Один торт – для Лукаса. Второй – для меня. У обоих, как обычно, своя история.

– Я понимаю, что чёрный торт смотрелся бы не очень, – Аманда улыбается и поправляет башню круассанов, чтобы она была идеальной, как в «Дженге[10 - Настольная игра. Игроки по очереди достают деревянные блоки из основания башни и кладут их наверх, делая башню всё выше и неустойчивее.]», – но всё, о чём я сейчас слышу от Лукаса, так это новый кожаный салон его авто, и я подумала – если бы я могла делать помадку, испекла бы машину. Ну, знаете, машину из взбитого теста...

– Нет, нет, – мурлычет Жан, разглядывая свой эспрессо из-под очков. – Я бы не смог после такого жить с тобой, милая.

Аманда закатывает глаза, но улыбается. Её тонкие губы, как всегда, покрашены перламутровой розовой помадой.

– Ну, может, сделаю на следующий год, – говорит она. – Может, я сделаю так удачно, что вы увидите – это не просто...

– Торт цвета гуталина, – Лукас хохочет.

– И не воплощение твоей души, – добавляю я. Аманда визгливо хихикает, прикрыв рукой рот, а Жан, который смеялся пару раз в жизни, и то по чистой случайности, чуть заметно ухмыляется.

– Эй, у меня всё же день рождения! – Лукас пихает меня локтем. – Будь милой с пожилым человеком!

– Кто бы говорил, – отвечаю я. – Кто с утра назвал меня Луноликой?

– Луноликой! – Аманда вновь заливается смехом, зажав кончиками пальцев надкушенную клубничину. – Это он вспомнил то фото в Онфлэре, в день рождения твоего брата. Когда из-за вспышки ваши лица стали белыми, как у покойников.

Лукас кивает.

– Это было столько лет назад!

– Но моё лицо осталось таким же белым и круглым, – замечаю я. Лукас вновь смеётся.

– И не говори! Будто завтракаю с настоящей луной в джинсовой куртке.

Я скалюсь, и он скалится в ответ.

– Не могу поверить, что ты до сих пор её так называешь, – Аманда улыбается, расправляя на коленях белоснежную салфетку.

– Только по особым случаям.

– Например, в тридцатый день рождения.

– Именно, – Лукас кивает. – Передашь мне джем, Лунолика? Когда ещё мне представится такой случай? Когда тебе стукнет сорок, или ты выйдешь замуж, или забеременеешь, или ещё что-нибудь такое.

Утром, при мысли о том, что мне придётся выйти из дома, меня замутило. Боязнь открыть глаза, чтобы увидеть солнце, выглядывающее из-за тяжелых кремовых штор в спальне, и понять, что сейчас утро, что это наш день рождения, была такой сильной, что прижала меня к матрасу. Если я проснулась здесь, в Ле-Туке, в этой спальне, девятого июня, в окружении скомканных носовых платков, и открыла затёкшие, распухшие глаза, значит, это в самом деле произошло. Это реальность. Мужчина, которого я люблю, сообщил мне, что хочет провести всю свою жизнь с другой женщиной, и чтобы я стояла рядом, когда он произносит клятву верности. «Тебе нужен спасительный душ», – зазвучал в моей голове знакомый, ласковый голос Розы, как будто она говорила со мной по телефону, когда я лежала в кровати, уставившись больными глазами в потолок. Я ничего не стала ей писать вчера вечером – наверное, Розы думала, что мы с Лукасом сейчас лежим в обнимку среди белых простыней, сонно улыбаясь и строя планы на день. Двое влюблённых. Но, будь она здесь и видя, как всё на самом деле, Розы сказала бы: «Ну-ка поднимай задницу, Эм! Давай двигай в душ! Заходи раскисшей, размякшей Эмми Блю, а выходи сильной независимой женщиной! Представь, что это поп-шоу, а семейка Моро, чёрт бы их побрал, – твои зрители!»

Так я и сделала. Собралась с силами, поплелась в душ, где проторчала минут двадцать, вымыла голову, побрила ноги, воспользовалась каким-то гелем в

стеклянной банке с закрытой крышкой, которые Аманда всегда оставляет в душе для меня. Высушилась феном, намазалась увлажнителем, даже попробовала сделать контуринг по приложению, которое Роза вбила мне в телефон, и наконец вышла в идеальный, роскошный зелёный сад Моро с таким видом, будто моё сердце не разбито и не болит. Будто я счастливая тридцатилетняя женщина, у меня всё хорошо и всё под контролем.

- Эмми!

Я поднимаю глаза и вижу, что Аманда протягивает мне блюдо с печеньем.

- Хочешь миндальное, милая? Я всегда готовлю для тебя миндальное.

Я улыбаюсь и беру одно печенье, поток крошек сыплется на тарелку.

- Спасибо, Аманда.

У меня нет аппетита, желудок крутит, но если я не буду есть, закружится голова, и к тому же Лукас заметит и начнёт спрашивать, всё ли со мной в порядке, а я не хочу видеть такого Лукаса. Доброго, обеспокоенного, заботливого Лукаса. При виде такого Лукаса я вновь стану лужицей слёз, какой была всю ночь.

- Изумительный запах, - говорю я Аманде и отрываю кусочек тёплого круассана.

- И не только запах. Я так рада, что ты не соблюдаешь этот дурацкий режим, как некоторые, - она многозначительно смотрит на Лукаса. - Кожа да кости, и всё торчит в своём спортзале.

- Это называется «быть в форме», мама, - Лукас улыбается, сжимая загорелой рукой чашку с кофе. Другой рукой скользит по груди, по бицепсам. - Называется «следить за собой».

- Ага, - только и добавляет Жан в поддержку сына.

- Он больше не ест ничего, что я готовлю, - жалуется Аманда, разрезая пополам шоколадный маффин, пропитанный сиропом. - Я говорила, что решила

опробовать новую пароварку, а он отказался от крем-брюле?

- В нём было ужасно много сахара...

- Хотя бы чуть-чуть, о большем я не просила! Чайную ложечку. Когда это наш Люк отказывался от сладкого, Эмми?

- Никогда...

- И я ему сказала: «Никто не получил порок сердца от одной только...»

- Ну, мне ещё нужно влезть в костюм, мама, - Лукас выпрямляется и, наклонив голову, улыбается матери. Её глаза становятся огромными и идеально круглыми.

- Он... тебе сказал?

Я смотрю на неё, но Лукас гордо кивает, прежде чем я успеваю что-нибудь ответить. Даже Жан отрывает взгляд от тарелки.

- О, Эмми! - рука Аманды летит через стол, шлёпается на мою, губы растягиваются в улыбке, предвещающей слёзы. - Ты можешь в это поверить? Нет, правда - можешь поверить? Он женится! Что ты на это скажешь?

Ага. Они думали, что я ничего не знаю. Я сглатываю, кусок теста тает у меня во рту. Я смотрю на свою доверчивую, нетерпеливую публику и выдавливаю широкую, жизнерадостную улыбку.

- Нет, не могу поверить, - говорю я им. - Правда не могу.

- Я не знала, что ты уже в курсе! Мне так хотелось тебе рассказать! Правда, Жан? - Аманда сияет, смотрит на своего невозмутимого супруга, на сына, на меня. Она толстенькая, у неё блестящие глаза, и она ёрзает на стуле, как беспокойный малыш.

- Я рассказал ей вчера вечером, - Лукас улыбается мне и легонько касается моей руки. - Она была в таком шоке, что у неё началась мигрень. Да, Эм?

Над этим смеётся даже Жан и говорит на ломаном английском:

- И не только у неё. Моя мигрень стала ещё хуже.

Аманда его не слушает. Она смотрит на Лукаса, склонив голову набок, прижимая к груди веснушчатую ладонь с розовым маникюром, унизанную золотыми кольцами.

- Я так рада, что ты ей сказал, - мечтательно бормочет она, потом смотрит на меня. - Ненавижу секреты, особенно от родных. Теперь ты можешь нам помогать, Эмми! Отговори его от этих жутких узких брюк, которые сейчас носит вся молодёжь!

- Вообще-то, - Лукас ставит чашку с кофе, кладёт на стол локоть, - есть ещё один секрет.

Он смотрит на меня, кусает губу. И я понимаю - этого они не знают. Они не знают, о чём он меня попросил.

- Вчера вечером, - говорит Лукас, - я попросил Эмми...

Аманда ахает, с громким стуком ставит на стол банку с лимонным повидлом. Лукас смеётся, смотрит на меня, одобрительно кивает. Я откашливаюсь, решительно улыбаюсь.

- Люк попросил меня стать подружкой жениха.

Аманда накрывает рот руками и пищит:

- Ой! Ой! Ой, Жан!

Жан улыбается, мудрый, непоколебимый, как скала.

- И что? - спрашивает он. - И ты согласилась?

Лукас хохочет, как будто мысль о том, что я могу не согласиться, просто уморительна.

– Конечно, – отвечаю я. Аманда вновь визжит, встаёт и подаёт мне знак тоже встать, чтобы она могла обвить меня руками. Шифон её блузки накрывает блюдо с маффинами.

– Милая ты моя, – бормочет она мне на ухо, сжимая меня ещё сильнее; я чувствую тепло её мягкой кожи, аромат цветочного парфюма. – Конечно, это можешь быть только ты. Он любит тебя. Он так тебя любит! Мы все тебя любим!

Я не выпускаю её из объятий. Я ещё крепче обнимаю её, женщину, почти сумевшую заменить мне мать, как будто только она может помочь мне удержаться на ногах. Мои ноздри покалывает – верный признак слёз, которым отчаянно хочется вырваться на свободу. Я шумно вдыхаю, вновь натягиваю улыбку.

– Ох, ты чуть не плачешь! – Аманда хихикает и вновь садится, расправляя на коленях салфетку. Она снова принимается за завтрак.

Лукас пододвигает к себе тарелку с ягодами и улыбается матери. Жан молча пьёт кофе, не сводя с меня серьёзных наблюдательных глаз. Я рада, когда он наконец отводит взгляд. Он не видит, как гаснет моя улыбка.

Глава пятая

– Что?

– Он женится. Лукас женится.

Рози смотрит на меня, сжимая в руке чашку с кофе. Буйные ярко-рыжие волосы рассыпаются по её плечам.

– Что? На ком? – прежде чем я успеваю ответить, её блестящие красные губы растягиваются в широченной улыбке. – Твою же мамочку, хочешь сказать, он

женится на... О Господи, неужели на...

- Нет. Не на мне.

- Ой...

- На Мари, - говорю я. Роза смотрит с недоумением. - На своей подружке Мари.

- На Мари-авокадо? - почти рычит Роза, её верхняя губа сердито дёргается. - На Мари - продавщице органических продуктов? Она же его бросила за то, что он писал эсэмэски этой, как её, из Австрии?

- Айви, - я киваю. - Лукас ей не писал. Это она ему писала. Но да, речь о той самой Мари. Они опять сошлись пару месяцев назад. Я даже не знала. Он сказал, всё случилось слишком быстро.

- И что, они тут же решили пожениться? - Роза морщится. - Да кто вообще так делает?

Я пожимаю плечами.

- Счастливые люди. Влюблённые люди.

Лоб Розы под ярко-рыжей чёлкой собирается в сплошную хмурую складку. Она качает головой.

- Тогда о чём ему надо было срочно с тобой поговорить? Вызвать тебя...

- Роза, он меня не вызывал. Я сама собиралась...

- Но он сделал вид, будто это чёрт знает какое важное событие! Что ему нужно спросить тебя о чём-то личном, с глазу на глаз...

Я ждала этого, готовилась к этому. И как бы я ни хотела не говорить ей ни слова, скрыть что-нибудь от Розы можно даже не пытаться. Я не могу ей врать. Она видит меня насквозь.

«Я чую разных засранцев с тех пор, как начала выдавать ключи от номеров, – сказала она мне в мой первый день работы в “Кларис”. – Этот изменяет жене, эти хотят снять порно в гостинице, эти так торопятся быстрее свалить, потому что нажрались моллюсков на пирсе и не смогли вовремя добежать до сортира. Меня не проведёшь».

– Может, он имеет в виду, – продолжает наседать Роза, – что они с Мари-Авокадо просто говорили об этом? Обещать можно что угодно. Я встречалась с тем типом из Слау, помнишь его, с вот такими бровями, и он обещал, что отвезёт меня в Черногорию, и на Бали, и на...

– Он сделал ей предложение.

– Что, серьёзно?

– Серьёзно.

– Хмм, – Роза хмурится, обдумывая серьёзность моих слов. Того и гляди погладит подбородок и скажет: «Интерееееесно!»

Сейчас она совсем не похожа на ту Роза, которая неделю назад визжала от восторга и так радостно плясала по кухне, что свалила на пол две утиные ножки конфи. Может быть, поэтому я ей и рассказала. Я была взволнована и понимала, что она тоже будет взволнована; взволнован был и Фокс, но в своём духе: он высунулся из своего кабинета возле кухни и, как обычно, выдал мудрый совет, какого обычно ожидаешь от человека вдвое старше. «Не думай об этом слишком много, – сказал он на сей раз, просто расслабься и дыши, и не слишком увлекайся ожиданиями». Роза же только фыркнула и заявила: «Будет бомба, я тебе отвечаю! Столько лет безответной любви, подавленной сексуальной энергии...»

Теперь она смотрит на меня, стоя у блестящей, только что отчищенной кухонной стойки и наполняя крошечные маслёнки дешёвым маргарином из огромной кастрюли.

– Ну так что всё это значило, Эм? Я хочу знать, – говорит она. – О чём он хотел тебя попросить?

Я поднимаю глаза. Она сжимает в руке ложку с жёлтым шаром маргарина.

– Он спросил, согласна ли я стать подружкой жениха у него на свадьбе. Вот о чём он хотел меня попросить.

– Мать твою, ты сейчас серьёзно? – Роза шумно выдыхает. – Ты же не согласилась?

Я молчу.

– Господи. Ты согласилась. Ты согласилась, да?

– Да, – бормочу я. Роза стонет, глотает остатки кофе, высоко запрокинув голову, будто это водка и ей нужно заглушить боль. – А потом меня вырвало.

Роза ставит кружку на стол.

– На него?

– Нет, – я смеюсь. – После того как он меня об этом попросил. Я ничего не могла поделать. Меня затошнило. Это, наверное, паника.

– Само собой.

– Ну, я извинилась, рванула в туалет и выbleвала всё. Закуски. Вино. Обед. Чувство собственного достоинства. Последнее, думаю, не до конца. Я хорошо держалась.

– Ох, Эмми...

– Он так смотрел на меня, Роза, я... я думала, он мне скажет... ну, ты знаешь, о чём я думала...

Роза касается моей руки ложкой с маргарином и смотрит на меня огромными карими глазами.

– И что было потом?

Я театрально пожимаю плечами.

– Думаю, я стану самой лучшей подружкой жениха в пределах этой вселенной, – я вздыхаю. – А что ещё я могла сделать? Отказаться? Удрать? Разрушить единственные по-настоящему долгие отношения в моей жизни?

– Хм, что? – Роза выгибает идеальную каштановую бровь. Её макияж всегда безупречен. Фарфоровая блестящая кожа сияет золотом каждый раз, когда свет падает на её точёный нос или губы, изогнутые, как лук купидона. – Ты его любишь, Эмми. Никто в здравом уме не пойдёт на такое. Учти это.

– Но я не могу, – бормочу я. – Если я откажусь, он поймёт.

– И хорошо, – Роза скрещивает руки на груди. – Может, ему и нужно понять.

– Кому нужно что понять? – Фокс в неопишемом блестящем костюме и чудовищной рубашке в огурцах выплывает из своего кабинета и встаёт рядом с Розой. Фокс – наш руководитель службы приёма и размещения, и, по-моему, самый пафосный тип, что я видела в своей жизни. Он учился в закрытой школе, каком-то частном заведении, где, как он сказал, учатся все политики, надеюсь, что свидетельства их пьяной молодости будут уничтожены к тому времени, как они получают место в парламенте. А потом его папаша обанкротился. «По-моему, лучший день в моей жизни, – однажды сказал мне Фокс, – был, когда он сказал, что мне придётся отчислиться». При первой возможности он уехал из Лондона и торчал тут уже девять лет. Он живёт в одном из гостиничных номеров. «Как тот тип из “Сияния”[11 - Роман Стивена Кинга.], – говорит Роза по меньшей мере раз в день. – Того и гляди прикончит нас всех».

Фокс перегибается через кухонную стойку, молитвенно складывает тонкие чистые руки.

– Ну так что, у вас теперь серьезные мутки? – он придвигается ко мне ближе. – Господи, я и слов-то таких не знал!

– Зато знал другие, – вмешивается Роза. – Как оно там... щипе... щупа... Щепетильная, вот какое слово! Вот как он меня обозвал, Эмми! Щепетильная. Мне пришлось загуглить. Я думала, он это слово сам выдумал. Вытащил из своей пафосной задницы!

Я хохочу, прикрыв рот рукавом блузки.

– Это же комплимент, да?

– Вообще-то, – поправляет Фокс, – я сказал, что ей следовало бы быть более щепетильной. Стойка администратора – самое настоящее болото. В кружках засохшие остатки кофе, такие старые, что им самое время выдавать пенсию. Отвратительно.

Роза толкает Фокса в бок, отчего он едва не отлетает в сторону.

– Ненавижу убираться. Занятие для зануд. И вообще, заткнись, Фокс, у нас тут трагедия.

– Не такая уж и трагедия... – начинаю я, но Роза не даёт мне и слова сказать.

– Этот мудацкий француз привёл её в ресторан и попросил стать подружкой жениха, – «подружкой» она произносит почти как «отрыжкой». Фокс хмурит молочно-бледное лицо, дёргает кончиком носа.

– Что, прости?

– Что слышал.

Я пожимаю плечами, не в силах оторвать взгляд от длинных рядов масленок и посмотреть им в глаза.

– Он женится, – уже в который раз повторяю я. – Я всё неправильно поняла.

– На ком он женится, Боже милостивый?

– Именно это я и сказала, – бурчит Роза. – Правда, без «Боже милостивый».

– На Мари.

– На своей бывшей, – вновь встречается Роза. – Которая его бросила. Они опять спелись, а Эмми даже не знала.

Фокс с силой втягивает воздух, издаёт странный звук, нечто среднее между стоном и рычанием.

– О Боже! И он пригласил тебя в ресторан, чтобы сказать вот это?

– Да, – говорит Роза. – В тот самый ресторан. Куда они всегда ходили. На пляже. На котором он нашёл воздушный шарик Эмми, когда им было по шестнадцать лет.

Я не в силах сдержать улыбки.

– Спасибо, Википедия.

Она смеётся, гладит моё лицо, касаясь холодными пальцами тёплой щеки.

– Прости, Эмми. Просто я в таком бешенстве!

– Но он ведь не сделал ничего плохого, – говорю я. – Мы с ним лучшие друзья. Он попросил меня стать подружкой жениха – меня, а не своего брата, не кого-то из друзей, даже не Тома, которого он знает с детского сада. Разве это гадко? Это... мило, это...

– По-мудацки, – Роза наклоняется вперёд и складывает руки, в точности копируя позу Фокса. Её заострённые ногти на этой неделе серебристо-жёлтые, на указательных нарисованы крошечные маргаритки. – Ты забыла, что он сказал тебе перед Новым годом? Говорить такое, а потом тащить человека в ресторан и предлагать ему чёрт знает что может только конченный мудака.

– А можем мы использовать другое слово? – предлагает Фокс. – Ну, например...

– О Господи, хочешь, чтобы я сказала «простофиля»? Нет уж. Мы не в шестидесятых, Фокс, – Роза смотрит на часы, выпрямляется, хватая булочку из корзины у меня за спиной.

– Ладно, пусть будет мудака, – Фокс смотрит, как Роза кусает булочку и медленно выходит из кухни. – Вычешь её стоимость из твоей зарплаты?

– Эмми, – спрашивает она с набитым ртом, не обращая внимания на Фокса, – вечером зайдёшь ко мне? Мама сделала пирог с мёдом, хочу тебя угостить.

– Не вопрос, – говорю я, и она посылает мне воздушный поцелуй, прежде чем вылететь из кухни. Я не знаю никого, кто двигается так же сексуально и уверенно, как Роза. Как будто ей вообще всё по плечу. В мою третью смену в «Кларис» она подлетела ко мне, безо всякой униформы, в ярко-зелёном сарафане, и, блестя губами цвета красного дерева, прошептала на выдохе: «У нас десять минут. Ты снимать умеешь?» Прежде чем я успела ответить, я уже щёлкала цифровой камерой, которой понятия не имела, как пользоваться, а она валялась на ступенях отеля, как модель журнала «Вог», приговаривая: «Поживее, Эмми. Если нас поймают, нам влетит. Я должна выглядеть как приличный администратор гостиницы, а не блогер размера плюс-сайз».

Фокс выпрямляет спину.

– Ладно, давай тебе помогу, – он достаёт ложку из ящика под стойкой и начинает зачерпывать идеальные овалы маргарина. Фокс знает всё. Начиная с того, сколько масла класть в какое блюдо, заканчивая тем, в какое время Сол, главный шеф-повар, добавляет мяту в домашнее мороженое и как управляться с древней системой приёма посетителей, в которой чёрт ногу сломит. Мне хотелось бы где-то чувствовать себя как дома. Так, как Фокс чувствует себя в «Кларис». Понимать, что это – моё место.

– Спасибо, Фокс, – говорю я. Он кивает и улыбается.

– Так что, тебе сегодня по-прежнему нужно уйти в пять?

– Да, – говорю я, – если ты не против.

- Конечно нет. Пойдёшь куда-нибудь расслабиться?

- В гости к подруге. Она много путешествует, редко здесь бывает.

- А. Хорошо.

Проще соврать, это я давно поняла. Если бы я сказала, что собираюсь к маме, о которой почти не упоминала за всё то время, что здесь работаю, ни в один из перерывов на кофе или обед, посыпались бы вопросы, а я никогда не знала, как на них отвечать. К тому же мне слишком страшно её видеть, и страх, который шевелится в животе, как огромная бабочка, будет заметен. Я не знаю, чего именно боюсь, но всякий раз, как отправляюсь к матери, у меня крутит живот, а плечи так напрягаются, будто я прохожу кастинг. «Что случилось, солнышко? Мир так ужасен?» - спросил меня какой-то тип, когда я в прошлый раз, собираясь ехать к ней, стояла на автобусной остановке, и загоготал. Когда я написала об этом Лукасу, он сказал: «Надо было ответить: “Благодаря таким, как ты!”»

- Ты хоть успокоилась? Больше не переживаешь из-за свадьбы? - спрашивает Фокс.

- Переживаю, - говорю я. - Хотелось бы не переживать, но я не могу.

Фокс молча кивает, зачёрпывая и раскладывая маргарин.

- Это тяжело для кого угодно, Эмми. Даже если отбросить в сторону остальное: твой лучший друг женится. Это тяжело, даже если не испытываешь к нему чувств, уж поверь.

- Правда?

Фокс распахивает глаза, яростно кивает.

- Господи, конечно. Никто этого, само собой, не скажет, все говорят: «Круто, я так рад за тебя!» Но в глубине души каждый настоящий друг думает: «Вот блин. Теперь всё поменяется. Я потеряю ещё одного классного парня. Крутого сукина сына. И я должен улыбаться, отпуская его в объятия потенциального чудовища.

Вместо того, чтобы говорить ему речь, я предпочёл бы в одиночестве переживать экзистенциальный кризис».

Я смотрю на него и смеюсь. Мне впервые хочется улыбаться, по-настоящему искренне улыбаться.

– Спасибо, Фокс. Ты меня очень поддержал.

– Я рад, – отвечает он.

– И прав, – мой голос становится громче. Теперь он услышит меня сквозь громкий стук тарелок, доставаемых из посудомоечной машины в другом конце кухни. – Просто мне кажется, это... неправильно. Не так, как должно быть. Как будто кто-то отвлёкся и упустил нас из виду. Забыл о нас.

– Ты имеешь в виду судьбу? Вселенную?

От этих слов меня бросает в жар, но я все равно чуть заметно киваю. Я чувствую себя совершенно неадекватной. Глупой. Как я вообще могла позволить ему видеть меня такой? Комок, как косточка персика, застревает у меня в горле. Я не могу выдавить из себя ни слова. Я не могу плакать на работе. В последний раз, когда кто-то плакал, это вызвало столько сплетен, что этот эпизод мог быть добавлен в информационный бюллетень для персонала, вместе с правилами использования мусорных баков и рекламой заварного крема от шеф-повара Сэма.

– Смотри, – говорит Фокс, оперевшись на стойку. – Ваша встреча была такой уникальной, такой удивительной. Ты потеряла воздушный шарик, а он нашёл его на другом берегу океана. Это исключительный случай. И я готов бросить вызов любому, кто скажет, что это не знак судьбы.

Я киваю, не отрывая глаз от стойки.

– Так что никакая ты не глупая, – Фокс накрывает крышкой огромную кастрюлю с маргарином. – Эмми? Всё хорошо?

Я наконец смотрю в его добрые орехового цвета глаза.

– Пока нет, – отвечаю я. – Но обязательно будет. К тому же Розы меня жалеет, так что будет приглашать на мамин пирог по меньшей мере раз в неделю. Во всем есть плюсы.

Фокс хохочет.

– Когда-нибудь она и меня угостит пирогом.

Я улыбаюсь.

– Ты же знаешь, она тебя любит.

– Ага, – Фокс скрещивает тонкие руки на груди. – Как ворчливого деда, втайне мечтая, чтоб он попросил тебя об эвтаназии.

– Ну что за чушь, Фокс! Скорее как дядю. Ворчливого дядюшку.

Глава шестая

В последний раз я была в маминем фургоне больше четырнадцати лет назад. В сентябре после Летнего бала, когда выяснилось, что именно я – та девушка, из-за которой уволили мистера Моргана. Мама собиралась в Эдинбург на фестиваль, потом на остров Скай встретиться с другом. Придя из школы, я наткнулась на её упакованные вещи посреди нашей крошечной, захламлённой гостиной и рухнула на пол в дверном проёме, истерически визжа и хныча, но не в силах выдавить ни слезинки. Она не шевельнулась, ледяным тоном велела мне собрать вещи, и на следующий день я поехала в Эдинбург с ней, всё время чувствуя себя лишним грузом – как пожилой родственник, которого не на кого спихнуть. Спустя три недели я получила первое письмо от Лукаса, и оно стало моим маяком в бурю. «Я вчера нашёл твой воздушный шарик на пляже возле Бюлонь-сюр-Мер! Он пролетел океан и больше ста миль!»

Сегодня вечером фургон припаркован в дальнем конце фолк-фестиваля, рядом с небольшой белой беседкой, окутанной густым запахом хот-догов и ладана. Колесные арки покрыты пятнами ржавчины, а уплотнитель вокруг окна

болтается, отклеившись от старости, но, как свадебные подарки родом из семидесятых, как пожилые соседи, фургон – одна из тех вещей, которые ещё на что-то да годятся. Я не уверена, что мама когда-нибудь избавится от него, даже если он совсем выйдет из строя. Она такая. Не то чтобы любит винтаж, просто не одобряет покупку чего-то нового, если это не оправдано (сигареты, конечно, исключение). Даже грифельная доска в фургоне, бывшем пабе – та же самая, что у неё была всегда, только помутневшая оттого, что на ней столько всего писали, а потом стирали. Сегодня на ней желтым мелом нацарапаны петляющие буквы: «Кэтрин Блю. Чтение карт Таро: J 15.00».

– Мам? – я стучу в окно фургона кончиком ногтя. Полоска жёлтого света просачивается сквозь крошечную щель между плотных бежевых, в розовых розах, занавесок.

Я снова стучу, на этот раз костяшками пальцев. Ржавая дверь щёлкает и распахивается. Мама сидит за столом с чашкой чая и книгой.

– О, – говорит она, и улыбка на секунду касается бледных губ, но лишь на секунду. – Эммелина.

– Привет, – отвечаю я. Она единственная, кто всё ещё называет меня Эммелиной, но я больше не вздрагиваю при этом имени. – Перерыв на чай?

Она смотрит в фарфоровую чашку, зажатую в руке.

– Вроде того. Был долгий день. Вот, прихожу в себя.

– Тогда я вовремя, – говорю я, и она, как недружелюбный незнакомец в парке на скамейке, отодвигается чуть в сторону, давая мне сесть.

В вагоне душно и пахнет чем-то сладким, наподобие нагретых солнцем фруктов, и я рада, что она не просит меня захлопнуть дверь и перекрыть свежий морской воздух. Этот запах напоминает мне о поездке в Эдинбург. О том, как я сказала ей в тишине крошечного фургона, припаркованного в крошечной темноте площадки для кемпинга, что несколько недель не могу уснуть. Что каждый раз, когда закрываю глаза, сны уносят меня в тот класс в Фортескью-Лейн, к нему, и всё так ярко, так по-настоящему, что, проснувшись, я чувствую запах его лосьона на моей шее, как в ту ночь, когда вернулась домой. Она сделала

маленький глоток чая – вот и всё, что она сделала. Мне так хотелось, чтобы она обняла меня, прижала к себе, сказала, что больше не позволит ему причинить мне боль. Но она лишь сказала: «Ты же знаешь, что сны – не реальность, пора бы это понимать в твоём возрасте, Эммелина», – как будто всё это было лишь плохим сном, и вновь поднесла чашку к губам.

Теперь она спрашивает:

– Хочешь чего-нибудь выпить?

– Я думала, может, сходим куда-нибудь пообедать, нет? – Мне противно, что моя кожа вся покрывается мурашками от смущения. Это ведь простое, нормальное предложение. – Раз у тебя пока перерыв...

– Вообще-то у меня другие планы.

– Да? Правда? – Мне хочется спросить: «Зачем ты тогда мне писала? Зачем отправила мне сообщение, что ты здесь, на этом фестивале в соседнем городе, если не хотела провести со мной время?» – Просто мы, ну, не виделись несколько месяцев, и я подумала, может, сходим куда-нибудь? В бар, например? Или прогуляемся? Съедим по мороженому... в общем, отметим?

– Отметим что? – мама вновь подносит чашку к губам.

Моё сердце падает, как камень, брошенный в бак с водой.

– Мой день рождения, мама. Мой тридцатый день рождения.

Я понимаю. По тому, как вспыхивают и расширяются, совсем чуть-чуть, её газельи глаза, я понимаю: она забыла. И значит, пару недель назад она написала мне, чтобы проверить, как я там, и сказать, что она будет здесь и надеется со мной встретиться, по чистому совпадению.

– Ну хватит, Эммелина, – она ставит чашку и блюдце на деревянную столешницу. – Прекрати меня оскорблять.

– Я не...

– Я помню про твой день рождения. Я не забыла. Как я могла забыть?

Я киваю.

– Ну вот. Почему бы его не отметить? Тридцать – важная дата.

– Да ну? Это всего лишь цифра, солнышко, и ты об этом знаешь. Люди придают слишком большое значение возрасту.

– Может быть, – говорю я и меняю тему, потому что чувствую: она уже настроилась на долгую дискуссию о возрасте, о людях, будто она не одна из нас. – Ну, как вообще дела? Ты много путешествуешь? – Я не задаю вопросов о работе, потому что меня тут же обвинят в излишнем интересе к деньгам.

Она садится поудобнее, вытягивает ноги так, чтобы не касаться ими моих, и начинает перечислять места, где они с Джимом побывали с января. Я никогда прежде не слышала о Джиме, но она говорит о нём так, будто я знаю его всю свою жизнь. Мама всегда так себя ведёт. Ещё вчера не знала этого человека, сегодня уже уверена, что он был предметом интерьера с незапамятных времён. В детстве для меня таким человеком был Дэн, потому что мама, как обычно, тут же ему меня представила и задвинула в сторону романтический период, сразу перейдя к тому, когда они вместе едят перед телевизором, помогают мне с уроками, укладывают меня спать. Мама и Дэн, которого я даже стала звать папой, прожили вместе три года, но до него я свою жизнь не помню. Они сошлись, когда мне было пять, а ушёл он, когда мне было восемь, почти девять. Это он прятал конфеты у себя в куртке, чтобы я их находила, это он забирал меня из школы и читал мне перед сном, это звука его ключа, открывающего дверь, я ждала, это его я видела в каждой проезжающей мимо красной машине, не в силах поверить, что он не вернётся.

– На прошлых выходных мы ездили в Корнуолл, на фестиваль в Бьюд, – продолжает мама. Я с энтузиазмом киваю. – А перед этим в Гернси, и было изумительно. Есть в этом месте что-то особенное. Воздух... – мама умолкает и поднимает глаза к потолку, будто чувствует поблизости этот воздух. – Такой чистый. Приятный. Будто пузырится, понимаешь, о чём я?

– Как на Скае, – говорю я, и она кивает, её глаза загораются, будто я включила зажигание.

– Да, Эммелина, в точности как на Скае.

Я ненавижу себя за то, что мой желудок тут же сводит какой-то приятный спазм. Словно я доказала свою пригодность. Порадовала мамочку, угадав с ответом. Как будто мне три года, и я хорошая девочка, а не взрослая тридцатилетняя женщина.

– Ну а у тебя как дела? – она вяло улыбается. – Несколько дней назад я сказала Джиму, что ты, кажется, на другом конце света. Поэтому написала письмо. Как жизнь?

В такие минуты мне особенно остро хочется, чтобы мои отношения с матерью были такими же, как у моих школьных подруг, как у Розы. Я хотела бы рассказать ей о Лукасе. О свадьбе, о Фишерс-Уэй и моей раскалённой комнате, о том, как я переживаю, что сильно сбилась с пути, о том, что реальность совсем не похожа на планы, о том, что я испытываю панику. Что я очень боюсь одиночества, которое меня затягивает, что порой не могу дышать. Что, хотя прошло уже четырнадцать лет и мне больше не снится мистер Морган, его жаркий, влажный шёпот мне в ухо, его рука, гладящая моё бедро, я часто ощущаю чувство вины за него, за ту ночь. За то, что его уволили, ему пришлось уехать, бросить жену и детей, одной из его дочерей была моя лучшая подруга Джорджия. Столько людей пострадало – людей, которые были мне дороги – и всё из-за меня. «Из-за него, Эмми, а не из-за тебя. Виноват только он», – сказал бы Лукас, будь он рядом, как он всегда говорил. Но ничего этого я не могу сказать матери. И никогда не могла.

– Да особо никаких новостей, – говорю я, оглядывая крошечную, затхлую комнату. Я слышу музыку – электрогитары, быструю весёлую скрипку – прямо за фургоном, в поле. – По-прежнему снимаю жильё на Фишерс-Уэй.

– Квартиру?

– Нет. Комнату. Из квартиры я съехала восемнадцать месяцев назад. Больше не могла себе её позволить.

– Я давно тебе говорила, Эммелина, но ты меня не слушала. Нечего было вообще связываться с этим полицейским, который потом тебя бросил. Как его там?

– Адам, – я стараюсь не обращать внимания на то, как сжимается мой живот при слове «бросил». Как будто это ничего не значило. Вообще-то мои отношения с Адамом, хотя они и не дошли до предложения руки и сердца за завтраком и планирования будущего, были единственными серьёзными отношениями в моей жизни; он был единственным, с кем я жила. Он съехал из квартиры, которую мы снимали вместе, четыре года назад, и это ощущалось довольно болезненно. Но что в этом могла понимать мама, бросившая меня, когда мне было четырнадцать, и сменившая столько бойфрендов, что я даже не смогла бы их посчитать? «Нянчиться нужно только с младенцами», – говорила она каждый раз, когда у меня болело сердце, я чувствовала слабость или страх, просила сходить со мной к стоматологу или помочь мне разобраться с флешкой, таймером или рецептом печенья, как помогала Джорджии её мама. Для моей это ничего не значило.

– А как фотостудия? – спрашивает она.

– Меня оттуда уволили, помнишь? Сократили. Я тебе говорила.

– По-моему, нет.

– Говорила! – я начинаю терять над собой контроль, несмотря на все попытки оставаться спокойной. Всё как всегда. Холодный перечень банальных вопросов, которые она чувствует себя обязанной задать. – Я уже два года работаю в гостинице.

– Хмм, – мама кивает, чуть сузив глаза, словно раздумывает, правду я ей сказала или нет. – Уж прости, Эммелина, но я тебе скажу – и слава Богу.

Я молча смотрю на облезлый, грязный линолеум под ногами.

– Я серьёзно. То, как они грабили родителей... Не знаю, как ты там работала.

– Грабили? – я хмурюсь. – Это была фотостудия, мам. Семейная. Детская.

– А цены? – она качает головой. – Делали такие фото, зная, что ни один родитель в здравом уме не пошлёт их куда подальше, – слово «родитель» она произносит с таким видом, будто оно не имеет к ней отношения. – А что? Что я не так сказала?

Я молчу, поначалу решив ничего не отвечать. Потом отвечаю:

– Просто... Меня сократили, мам. Мне там нравилось. Я работала с семьями, с детьми, я скучаю по этой работе. Можно было и посочувствовать.

– Ну, извиняться я не стану, – резко говорит мать. – Я не стыжусь своей радости за то, что ты больше не работаешь в организации, с принципами работы которой я не согласна.

Она вздыхает, делает глоток чая цвета спелой малины, и я слышу, как Лукас говорит: «Так, значит, твоя мама не одобряет мясоедов, религиозных людей и... фотографии? Отлично, Кэт!»

Какое-то время мы молчим, и, подперев подбородок рукой, я смотрю, как на город опускается ночь, подбирается к нам с мамой, свет лампочки становится тусклее. Интересно, какими мы выйдем, если смотреть на нас с холма? Крошечный янтарный огонек вдалеке, у моря. Два силуэта прижались друг к другу, делятся давними новостями, вспоминают ушедшие времена. Полагаю, это несколько не похоже на то, что есть на самом деле: душную консервную банку с таким густым воздухом внутри, что кажется, будто я вдыхаю дым.

– На выходных встречалась с Лукасом, – наконец говорю я. – Мы думали, не съездить ли нам в Бретань, – я почти намеренно произношу эти слова, вижу, как напрягается её подбородок, но пока она молчит и кивает. – В Сен-Мало, ты говорила, жил мой отец... – я поправляю себя, – Питер?

Мама смотрит на меня, сузив глаза, очень широко распрямив плечи.

– Что, прости?

Порой я не могу поверить, что прежде мать была такой увлечённой, такой жизнерадостной, какой она пытается себя показать. В двадцать два года весь

мир лежал у её ног, она могла отправиться куда хотела. А потом появилась я и всё испортила.

– Ты всегда говорила, что Питер жил где-то у пляжа и работал в Сен-Мало в перерывах между гастролями. Мы с Люком говорили об этом, и он сказал, что нужно наконец отправиться туда, если я точно выясню...

– Ради всего святого, Эммелина, зачем тебе туда ехать?

Я сглатываю.

– Чтобы увидеть...

– Не трать время, – говорит она пренебрежительно, резко и холодно. – Сен-Мало – это такой же приморский город, как этот, как Рамсгит, как, мать его, Саутенд. Разве что битком набит французами.

– Я просто хочу, чтобы ты сказала мне, где он находится. Я хочу увидеть его. Увидеть дом, где я родилась...

Мама выдыхает, уставшая от моей упёртости, как будто долгие годы, в которые я пыталась выяснить хотя бы крупицу информации, до смерти её утомили.

– Не знаю, сколько раз тебе повторять, но ты родилась у меня, Эммелина, и твой дом – всюду, где мы с тобой жили. Оставь уже в покое трупы минувших дней.

– Я хочу знать, кто он.

– А меня тебе что, недостаточно? – шипит она, и у меня бурлит в животе от внезапной злости из-за её слов. – Я тебя воспитала, Эммелина. Я заботилась о тебе, а он болтался чёрт знает где. Ты хочешь найти его, чтобы рассказать, как ты недовольна своей матерью. И как я должна себя чувствовать?

Я молчу. Она. Всё, что имеет значение, – это она. Всё, что я говорю, делаю, собираюсь сделать, важно лишь в том смысле, как это повлияет на Кэтрин, что люди подумают о Кэтрин. Нет, знаете ли. Как ни обидно это признавать, её одной мне недостаточно. И это ещё слабо сказано. Она никогда не была рядом.

Мама прочищает горло, шумно фыркает, выпрямляется, разглаживает кардиган, будто успокаивая сама себя.

– В этом нет необходимости, – говорит она. – Есть и другие, более важные вещи, на которых нужно сосредоточиться. Люди так зацикливаются на генах. Это просто смешно.

И опять – люди. Люди – это я и все остальные. Не она. И, бьюсь об заклад, не тот, кого она сейчас считает своим бойфрендом. Они лучше, чем мы, бестолковые овцы.

Мама допивает чай в повисшей тишине. Я хочу вернуться на Фишерс-Уэй, залезть в кровать и, натянув одеяло на голову, ждать, когда вернется солнце. Я хочу позвонить Лукасу. Я хочу, чтобы он рассмешил меня, сказал: «Опять нарвалась на бред Кэт, да, Эмми Блю?» Он знает мою маму. Знает, как тяжело с ней общаться, знает, что всё детство я словно ступала по яичной скорлупе.

– Я не хочу никого расстраивать, – наконец говорю я в удушливой тишине. Мама смотрит прямо на меня, её ноздри раздуваются. – Мне просто нужно узнать, кто мой отец.

Я жду, когда она скажет то, что обычно говорит: «Я уже всё тебе сказала, Эммелина». Но она молча смотрит на свои руки, а потом бормочет:

– Я не смогу тебя видеть.

– Что, прости?

– Если вы с ним начнёте общаться, – мышца её подбородка дёргается, – я не смогу больше тебя видеть.

Я пытаюсь что-то сказать, но не нахожу слов. Это ультиматум. Ядовитый, циничный ультиматум, повисший в воздухе, как грозовое облако. Найдёшь отца – и между нами всё кончено. В желудке бурлит. Ярость. Внезапная тоска и ярость, но... вместе с тем надежда. Крошечный проблеск сквозь чёрные тучи. Она всегда говорила, что не знает, где мой отец. Я никогда ей не верила, но сейчас по её голосу понимаю: она знает. Мы с ним можем встретиться.

– Хорошо, – говорю я наконец.

– Хорошо? – её глаза становятся огромными, как блюдца.

– Хорошо, – повторяю я. – Если ты так решишь, то... хорошо.

Тишина оглушительна. Мать смотрит на меня, откашливается, как будто выходит из транса. Тербит в руках коробку с чайными пакетиками, пытаюсь накрыть её изогнутой крышкой, а я сижу рядом с ней и обвожу глазами крошечный фургон, увозивший ее от меня, когда она была мне нужнее всего. Когда мне было четырнадцать, и я так мучилась от менструальной боли, что испугалась и позвонила Джорджии, и мама Джорджии набрала мне ванну и носилась вокруг меня с грелкой и ночными прокладками. Когда мне было пятнадцать, и я провалила тест по математике. Когда я впервые поцеловалась. Когда соседка снизу бурно ссорилась со своим приятелем, он угрожал поджечь дом, и я, лёжа в постели, не могла уснуть ещё несколько недель, ожидая визга пожарной сигнализации или запаха дыма.

Летний бал. Мигрени, которые начались вскоре после него, и кошмары. Так много, много раз я наблюдала из окна спальни, как крошечный фургон уезжает вдаль.

– Мне пора работать, – наконец говорит мать. – Люди ждут предсказаний судьбы, и нельзя упускать возможность.

Я нехотя обнимаю мать на прощание. Её тело напряжено – острые кости, холодные цепочки ожерелья – и когда мы расстаёмся, я всё понимаю. Сегодня последний раз. Я в последний раз пришла на встречу, от которой ничего не жду. Столько лет я надеялась на что-то большее – так, как кто-то надеется однажды влюбиться или увидеть северное сияние. Вот почему я пришла к ней сегодня вечером. Вот почему я пригласила ее на ужин. Потому что я всегда надеялась, что однажды она скажет да. Что она наконец снимет броню. Что мы сядем за стол, будем есть и пить вино, и она расскажет мне о временах, когда она была счастлива, и о словах, которые я неправильно произносила, когда была пухлой малышкой со складками и ямочками. И, может быть, она вспомнит, как в детском саду я налепила глиняных комочков, раскрасила красным и обсыпала блёстками. Или как она вдыхала запах моих вымытых волос, пока я спала, и я об этом не знала.

Я иду к автобусной остановке, глядя на горизонт. Облака похожи на пышно цветущие кусты, море – как синие чернила. Я думаю о своей комнате на Фишерс-Уэй, где мне жарко, но где я в безопасности. Я думаю об отеле, о Розе и Фоксе. И о Лукасе. О воздушном шаре и о том, как далеко он пролетел до него через эти чернильные волны. Я думаю о мире вокруг меня и обо всех возможностях, которые он таит.

Может быть, однажды я увижу северное сияние.

И может быть, смогу влюбиться.

Глава седьмая

Руководство для шаферов.

Ты – лучший друг жениха!

Ты можешь думать, что быть лучшим другом жениха – значит, устроить мальчишник, притащить кольца и выдать чертовски убедительную речь, но ты можешь стать ещё круче, прокачаться до уровня босса, чувак! Тебе не приходило в голову заказать гостиницу для молодых или спросить счастливую пару, нужна ли им помощь со списком гостей? И, конечно, костюм. Его выбор тоже за тобой, шафер от Бога, правая рука жениха! Помоги ему выглядеть просто изумительно в день, когда он свяжет себя узами брака, и не бойся торчать в примерочных. Пришло время седьмой главы. Поговорим о костюмах...

– Выгляжу как ушлёпок.

Лукас стоит в примерочной кабинке под ярким светом прожекторов, отодвинув в сторону тяжёлую занавеску. На нём белоснежный блестящий смокинг, в котором он напоминает человечка из глазури или в лучшем случае неопытного Джеймса Бонда, которому никогда не приходилось шпионить, не считая детской игры «Я – шпион», и теперь он просто хочет, чтобы его отпустили домой.

- Господи, я в самом деле выгляжу как ушлёпок, да?

- Нет, нет, совсем нет!

- Эмми, у тебя на лице всё написано.

- Да нет, я просто... я не думала, что он будет... ну, настолько белым.

Лукас оглядывает костюм, будто только что осознал, что он в костюме, и смеётся.

- Я похож на... не пойму, ну блин, на... - он умолкает, видя, что я зажимаю рот рукой, и смотрит на меня широко распахнутыми глазами. - Ты чего?

- Да так, ничего.

- Нет уж, скажи. На кого я похож?

Я убираю ладонь ото рта.

- На секунду мне показалось, что ты похож на малыша Визгуна из сериала «Спасительный звонок»[12 - Американский ситком о жизни подростков.] в день выпускного.

Лукас ахает, таращит серые глаза.

- Ты убила меня наповал!

- Да?

- Но с другой стороны, а чего ты хотела? Ты же знаешь, не могу я прилично выглядеть в белом костюме.

- Я такого не говорила.

– Малыш Визгун, Эмми. Ты сказала: «Малыш Визгун». Именно это мечтает услышать каждый уважающий себя жених, – Лукас хохочет, откинув назад голову, как будто до смерти устал, а потом плавным движением задёргивает занавеску, и уже из-за нее я слышу его смех.

Мы здесь, в примерочной отдела мужской одежды, уже больше получаса, и всё это время хохочем, пока Лукас примеряет костюмы и пиджаки самых разных цветов и стилей. В одних он напоминает модель M&S, в других – Вилли Вонку[13 - Шоколадный магнат, герой сказочной повести Роалда Даля «Чарли и шоколадная фабрика».], страдающего варикозом. Костюм ему сошьёт знакомый портной, в своё время шивший свадебный костюм Жана, но сейчас он хочет определиться со стилем. Пока ему нравятся лишь вещи оттенков тёмно-синего цвета. Единственного цвета, который не хотела бы видеть Мари.

– Она хочет одеть меня в бледно-голубой и белый, – жаловался он по телефону на следующий день после нашей встречи с мамой. – Белый, Эм. Как будто я Элвис, мать его, Пресли. Мне нужен твой безупречный вкус. Я знаю, ты поможешь мне не выглядеть как лузер. Когда тебе удобно приехать? На выходных сможешь?

Я нервничала, честно вам скажу. Наверное, именно поэтому я сказала, что на выходных занята, хотя была свободна. Я решила дать себе неделю, прежде чем приехать сюда. Неделю, чтобы собраться с силами. Дать сердцу, голове, лёгким немного прийти в себя. Спустя ещё несколько ночей, проведенных в слезах, и несколько дней пережёвываний своих страданий за обедами с Розы я провела целое утро в компании квартирной хозяйки, Луизы. Пока она пила мятный чай и разгадывала кроссворды, я листала Пинтерест, выбирала и заказывала идеальное пособие, как стать идеальным шафером.

– Что за книга? – вчера вечером Лукас взял её с чайного столика, повертел в руках и плюхнулся вместе с ней на диван. – «Ты – лучший друг жениха!» Ого! Круто. Сюда входит помощь в выборе костюма?

– Думаю, да. На неё отзывы были самыми лучшими.

Лукас посмотрел на меня, лениво улыбнулся, прижавшись головой к спинке дивана.

- Какая ты молодец, что купила книгу. Люблю тебя!

- Ну, я новичок в этом деле, - сказала я. - Надо же с чего-то начинать.

Вечер выдался, как в старые добрые времена - его родители были в главном здании дома, готовили, читали, слушали классическую музыку, Мари со своим отцом уехали куда-то по делам, а мы с Лукасом сидели в пристройке, заказав пиццу и розовое вино. Всё было в порядке, как обычно, и мой желудок успокоился, как бывает, когда заморишь червячка чашкой чая и ломтиком тоста.

- И опять закладки, - Лукас раскрыл книгу, потянул за липкий розовый стикер. - Где Эмми Блю, там и они, верно?

- А как же!

Он обвил меня сильной рукой, притянул к себе. Я положила голову ему на плечо.

- Ты... такая спокойная, - пробормотал он под мурлыканье телевизора. Это был не вопрос, но я кивнула.

- А ты?

Он вздохнул и, когда я посмотрела на него, на автомате кивнул, передразнивая меня, и рассмеялся.

- Мари сказала, платье можешь выбрать, какое хочешь.

- Я знаю.

- И насчёт мальчишника не переживай, им займётся Том. Ты знаешь, как он любит устраивать вечеринки. Он сказал, что всё возьмёт на себя, а тебе останутся лишь маленькие детали, так что не думай, будто я хочу повесить на тебя...

- Я знаю, Люк.

Он снова кивнул, пощекотав щетиной мой затылок. Какое-то время мы молчали, и я чувствовала, как чувствуешь гром, вот-вот готовый разразиться, несказанные слова, разбухшие, повисшие в воздухе, окутавшие нас, как густой туман.

- Эм, - прошептал он мне в волосы, и я сказала себе: «Держись».

- Да?

«Смогла бы я?» - думала я, прижавшись к нему. Если бы он спросил, что я чувствую по этому поводу, смогла бы я соврать?

Он помолчал, прокашлялся. Потом тихо сказал:

- Ты мой лучший друг.

И рассмеялся, и я тоже рассмеялась - от облегчения, что напряжение немного спало. А потом мы сидели там, на мягком диване, и смотрели фильм, один из тех любимых фильмов Лукаса, который я не видела, Господи, как я вообще дошла до жизни такой! И всё, что давало мне силы держаться, - это слова Розы. «Если это тебе суждено, оно от тебя не уйдёт, - сказала она. - Пусть даже какое-то время все будет идти не так, как ты хочешь». И если мы должны быть вместе, нужно верить, что мы будем вместе.

- Ну блин, - Лукас выглядывает из-за занавески, которая ходит ходуном от его движений, - ты не могла соврать и сказать, что я похож на Дэвида Ганди?[14 - Модель (род.1980)]

- Да ладно, ты всё равно бы не выбрал этот костюм, - я устраиваюсь поудобнее на мягком пуфе.

- Вот и нет, выбрал бы именно его. Если бы не ты.

- Ты был вылитый Визгун! - возмущаюсь я. - Ты хотел от меня честности, вот и получи. Давай поживее, Моро!

Занавеска вновь отодвигается в сторону.

– Не-а, – он ухмыляется. На нём только джинсы, и, хотя за четырнадцать лет, что мы знакомы, я видела Лукаса разной степени раздетости – по большей части пьяного, рыдающего и блюющего во всевозможные ёмкости (унитазы, пластиковые пакеты, шляпы, ведро для мытья пола), моё лицо мгновенно вспыхивает. – Господи, ну тут и пекло, – он берёт рубашку, начинает застёгивать пуговицы.

– Больше ничего не хочешь примерить? – я старательно отвожу взгляд, делая вид, что меня очень интересует безликая гардеробная, люминесцентные лампы, ковёр и – ах, какие удивительные стальные балки!

– Думаю, с меня хватит, – говорит Лукас. – К тому же Мари хотела видеть меня в белом, и сама понимаешь, как я к этому отношусь...

– И как ты к этому относишься?

Лукас смотрит на меня, застёгивая пуговицы на груди.

– Не знаю, – его глаза блестят. – Но мы все знаем, как ты к этому относишься.

Несколько минут спустя, пройдя через раздвижные двери торгового центра, мы выходим на теплый соленый воздух Берка, приморского города с самым большим пляжем, который я видела в своей жизни. Я давно сбилась со счёта, сколько раз мы сюда приходили. Ужины, походы по магазинам, бутерброды с дымной ветчиной и сливочным эмменталем, разговоры. Лукас то и дело останавливался, чтобы указать на что-нибудь уникальное: материалы, используемые при строительстве виллы, резьбу пятнадцатого века на каменной балке церкви. Крошечные кусочки красоты, мимо которых остальные могли бы пройти и не заметить.

– Архитектор – это же не настоящая профессия? – спросила Роза на прошлой неделе. – То есть, я имею в виду, их показывают в разных фильмах, но не представляю, чтобы кто-то в самом деле этим занимался.

– Интересная логика, – удивился Фокс. – Может, тебе перестать встречаться с одними только механиками и теми, чья работа связана с отходами жизнедеятельности?

– Что? – Роза удивлённо посмотрела на меня. – Эмми, мне кажется, он опять говорит по-латыни.

Отец Лукаса – тоже архитектор, и я часто думаю, хотел ли он пойти по стопам отца или впитал его любовь к дизайну и структуре с таких ранних лет, что невозможно понять, врождённая это любовь или тщательно культивируемая. Жан решил, что Лукас пойдет в архитектурный, задолго до того, как Лукас определился, точно ли хочет туда поступать. Сказал ему, какие сдавать предметы и на что сделать упор. Жан такой.

История людей – это, как правило, история их успехов. И хотя я часто беспокоилась, что Лукас думает обо мне – рабочий класс, мать-одиночка, возможность позволить себе лишь один год учёбы в колледже и лишь одно яйцо на завтрак – он и его отец, как следует его подгонявший, давали и мне силы двигаться дальше. Да, я не смогла оплатить второй год колледжа, но я нашла в себе силы продолжать учиться, потому что учился Лукас. Я нашла их, несмотря на одиночество, несмотря на Джорджию, несмотря на слухи обо мне и мистере Моргане, потому что Лукас сказал мне, что будущее стоит того, чтобы на него работать. Человек, который мог так ясно видеть свои перспективы, помог мне сквозь туман разглядеть мои.

– Ты где, Эмми Блю? – Лукас смотрит на меня. Мы медленно бредём под солнечным светом. Он часто задаёт этот вопрос, иногда в эсэмэсках, причём пишет мои имя и фамилию с маленькой буквы, ужас! Иногда он хочет знать, где я нахожусь физически, если я, например, не отвечаю на звонок или пару дней не подаю никаких признаков жизни, но чаще – когда я молчу, потому что мои мысли где-то витают, и он хочет спустить меня с небес на землю. – О чём задумалась?

– О еде, – я улыбаюсь. – Я думаю о еде.

– Тогда тебе понравится место, куда мы идём обедать. Они готовят картошку, похожую на ту, что мы жарили у тебя. В твоей столетней фритюрнице. Вот почему мы туда идём.

– Господи, я скучаю по той фритюрнице, – я вздыхаю.

– И я скучаю по твоей фритюрнице. И твоей картошке.

– Почему мы так давно её не жарили?

Лукас пожимает плечами, спрятав руки в карманы.

– Не знаю, Эм, – говорит он. – Наверное, у меня просто ни на что не хватает времени. Жизнь, работа, повышение, вот это вот всё. Иногда довольно хреново быть взрослым, да?

Я смотрю на его светлые волосы, которые в солнечных лучах кажутся белыми, как сахарная вата. Я любила их укладывать, когда мы были моложе. Я сидела на диване, а он – на полу, между моих ног, прислонившись к дивану спиной, и мускулы его широких плеч были видны сквозь футболку, а я заплетала его волосы и брызгала на них водой из пульверизатора. Он смеялся, не отрываясь от телевизора, и говорил: «Сделай меня красавчиком, Эмми Блю, на меньшее я не согласен». Его брат Элиот однажды заявил ему: «Ты похож на нашу старую соседку Летицию», – а Лукас схватил зеркало, посмотрелся и сказал: «Блин, и правда! Ну привет, Летиция, хочешь перепихнуться?» В моих воспоминаниях с ним небо всегда ясное, а солнце – яркое, даже если на самом деле это было не так.

– Картошка из моей фритюрницы восьмидесятых годов – так себе причина, чтобы не взростеть, Люк.

– Да я знаю, но просто... – он достаёт руку из кармана, проводит ей по волосам. – Порой я скучаю по тем временам. Ведь и ты скучаешь, правда? Мы были такими юными, глупыми, пьяными, и ты будила меня, жарила яичницу, и картошку, и покупала такой толстый белый хлеб в странной не то булочной, не то службе заказа такси.

– У Неда, ага.

– У Неда, – Лукас хохочет. – Старый добрый Нед, неспособный определиться с профессией.

– А помнишь, каким кетчупом мы всё мазали? Дешёвым и радиоактивным!

– Ага. Уксусным. Вот уж дикое дерьмо!

- Мы в гостинице его и используем.

Лукас поворачивается ко мне. Его глаза скрыты за солнцезащитными очками, но я знаю, они округлились от изумления.

- Ты серьезно? Я думал, это пятизвёздочный отель.

- Четырёх, - говорю я, - но экономим мы на чём можем. С годами этот чёртов кетчуп стал почти неоновым.

Лукас вновь смеётся и обнимает меня за талию. Мимо нас проходит группа подростков, сжимающих в тонких руках доски для серфинга. В такие минуты я понимаю, почему нас часто принимали за пару. Потому что Лукас всегда подыгрывал.

- Вот и два года пролетели. Жуткие? - он убирает руку, ведь подростки уже прошли. - Ты очень устала?

- От работы? Да нет, она хорошая. Правда, я не думала, что проторчу там два года, но люди очень милые. Хотя... в прошлом месяце я подала заявление в отдел кадров.

- Здорово, - говорит Лукас.

- Не то чтобы мне было там так уж плохо. Но ведь это...

- Работа официантки в отеле.

Не знаю почему, но его слова - как удар в грудь. Я съеживаюсь в комок, я понимаю, что мне не место здесь, в этом прекрасном городе, рядом с Лукасом в дизайнерской рубашке, который помолвлен и который несколько недель назад подписал крупнейший проект.

- Я хотела сказать: очень скудный заработок. Мне хотелось бы побольше. Хотелось бы опять позволить себе снимать квартиру.

– Да. Конечно, – он не поднимает глаз. – Ты ещё найдёшь хорошую работу, Эм. У тебя большой опыт – после стольких лет в этой фотостудии! И я всегда могу поговорить с папой.

– О чём?

Лукас пожимает плечами.

– У него в Лондоне полно друзей. Уверен, если я покажу папе твоё резюме, он найдёт кому позвонить.

– Но я не хочу работать в Лондоне, Люк.

Лукас морщится, на лбу появляются три хмурые складки.

– Но почему?

– Боюсь, я не смогу каждый день ездить на работу. Это просто не для меня.

– Хочешь сказать, работа официантки – для тебя, или...

– О Господи, – я замираю у раскрытой двери кафе. – Ты только послушай.

– Что? Что-то не так?

Я поднимаю руку вверх. Летний воздух такой нежный. И эта песня – та самая.

– Кажется, я никогда и нигде больше её не слышала. Разве ты не помнишь?

Я помню. Я точно помню, когда впервые её услышала. Компакт-диск прибыл утром перед моим отъездом в колледж (в обмен на шесть пакетов хрустящих звёздочек, которые я отправила Лукасу за две недели до того). Я слушала его в автобусе, на плеере «Сони Уолкман», и яркое солнце, пробиваясь сквозь мутное окно, грело мою кожу. В тот день у меня было две совместных пары с Джорджией и её друзьями, девчонкой и двумя мальчишками, которые постоянно ухмылялись, но я слушала эту песню весь день без перерыва. Этот компакт-диск

перевернул мою душу. Он обнимал её, как ласковые тёплые руки, напоминая мне, что я не одна в этом мире.

Лукас недоуменно улыбается мне и медленно качает головой.

- Ты меня пугаешь, Эм.

- Ты чего? Ты же записал эту песню на мой CD. «Дорогая Воздушная Девочка»...

- О Господи! Да, конечно! - он легонько стучит пальцем мне по лбу. - Твоя слоновья память... ну ещё бы тебе не помнить.

- Диск второй, трек пятый, - говорю я, и Лукас отвечает:

- Да, именно.

CD-диск № 2

Дорогая Воздушная Девочка,

Трек 1. Потому что твой папа, возможно, играл в рок-группе

Трек 2. Потому что ты хрюкаешь, когда смеёшься

Трек 3. Потому что ты сказала, что никогда её не слышала

Трек 4. Потому что всё это случилось не по твоей вине

Трек 5. Потому что в Берке надо было пригласить тебя на танец

Воздушный Мальчик.

х

Глава восьмая

Именно здесь, в кухне Аманды и Жана Моро, я впервые осознала, что люблю Лукаса. Это случилось шесть лет назад, за две недели до Рождества. Мы вернулись с праздничного обеда, который устроил друг Лукаса по работе. Он решил уволиться и начать собственный бизнес, а ещё после нескольких попыток ЭКО наконец выяснилось, что они с женой ждут ребёнка. Он произнёс целую речь в тёмной комнатке, которую снял в местном баре; небольшие кусочки Лукас переводил для меня, приговаривая: «Слушай и учись, Дейдра Барлоу!»

Домой мы вернулись на такси, подвыпившие, но не пьяные, и внезапно разразился такой гром, что мы остались ночевать в доме его родителей, не рискнув пройти крошечное, но опасное расстояние до пристройки. Перешёптываясь, мы на цыпочках прошли в огромную, тускло освещённую кухню, как подростки, которые вернулись домой слишком поздно. Сварили кофе, стараясь не шуршать пакетами печенья, найденными в шкафу.

Ссутулившись над гладким чёрным мрамором обеденной стойки, я смотрела, как его волосы растрепались от дождя, щеки покраснели от холода, смотрела, как он пил и ел, смотрела на его серые глаза и золотые ресницы, на веснушки на его носу и щеках, и внезапно ощутила это чувство. Это притяжение. Это тошнотворное напряжение в животе, будто волнение, возбуждение и страх – все слилось в один шипящий, горящий шар в моем кишечнике. Меня словно отбросило ядерным взрывом. Я стояла напротив Лукаса в тишине кухни, дождь стучал по окнам, но мне казалось, будто неведомая сила швырнула меня через всю комнату. Я поняла. Именно тогда я поняла.

Он улыбнулся мне. Его бледно-голубая рубашка была вся в пятнах дождя. – Где ты, Эмми Блю?

– Нигде, – я сглотнула. Мёртвая тишина дома давила на меня, побуждая признаться. – Нигде.

– Ты уверена?

Я вновь кивнула и сказала, прижав пальцы к тёплому фарфору кружки:

- Эта речь... и то, как расплакалась жена Патриса... я думаю о них.

Лукас поставил кружку, положил руки на стойку. Серебряные часы на его запястье постукивали по мрамору.

- Очень трогательно. Ты про историю о том, как они встретились?

- Да, - ответила я. - Они ведь знали друг друга с детства, но им понадобилось двадцать лет, чтобы разглядеть друг друга.

- Удивительно, - Лукас улыбнулся, свет отражался в его глазах. - И два брака. Ты только представь. Ты встретил человека, который создан для тебя, уже в двенадцать лет, но ещё двадцать ушло, чтобы это понять. Довольно грустно.

- Но любовь стоит того, чтобы ждать.

Он кивнул, глядя на меня. И в этот самый момент, впервые за всё время нашей дружбы, за всё то время, что мы спали бок о бок и передавали друг другу полотенца сквозь приоткрытую дверь ванной, время, когда он, не смущаясь, знакомил меня со своими девушками, я ощутила, что нахожусь к нему слишком близко, и это невыносимо. Потому что я люблю его и всегда любила. И не могу об этом сказать.

Семь недель спустя я встретила Адама, своего первого «настоящего» молодого человека, а ещё через три недели Лукас стал встречаться с коллегой по работе. Это были его первые отношения в том году, и я восприняла их с облегчением. Это была прекрасная причина ничего не говорить. Затолкать свои чувства поглубже, будто они вот-вот вывалятся из шкафа, и поплотнее закрыть дверь.

На какое-то время приём сработал; может быть, поэтому мы с Адамом съехались так быстро - его появление приглушило мою тоску, отвлекло от чувств, охвативших меня в тот дождливый вечер за кухонной стойкой.

Сегодня вечером эта стойка уставлена сверкающими тарелками и стойками, на которых высятся нежнейшие кремовые десерты, приготовленные мамой Лукаса - она успешно закончила первый год обучения во французской кулинарной школе. Теперь она решила устроить десертную вечеринку - звучит

легкомысленно и непринуждённо, но напоминает светское мероприятие, куда все мужчины должны явиться в смокингах и галстуках.

– Карамель – вот с чем у меня проблемы, – говорит Аманда Яну и Афине, бывшим соседям Моро, которые приезжают последними. – Мне кажется, Афина, это одна из тех вещей, что стоит лишь немного отвлечься – и пуф! Всё испорчено. Как с вареньем. Как с соусом бешамель.

– Ты просто гений, – отвечает Афина, сжимая в руке с безупречным маникюром белую тарелочку размером с блюдце. – Даже не знаю, с чего начать. А ты, Ян?

– Ну что ты, я только учусь, – Аманда смеётся, и её глаза сужаются, совсем как у Лукаса. – А эти вы пробовали? Я добавила в них розовую воду, Ян. Даже если ты не любишь розовую воду, я настаиваю, чтобы ты попробовал. Ну-ка, давай!

Я стою чуть поодаль, у раковины, с бокалом вина. Пришло намного больше народу, чем я ожидала. Хотя не знаю, чему тут удивляться. Моро обожают закатывать вечеринки, и каждая из них, даже по самому скромному поводу, напоминает те, что я в детстве видела по телевизору. Тарелки с теплыми золотистыми канапе, крошечные мисочки с оливками и блестящими от масла закусками, мужчины в дорогих рубашках и женщины на каблуках, вручающие подарки, уместные скорее на свадьбе. И неоновые коктейли, которые взбалтывает, смешивает и разливает работник местной сети ресторанов.

– Я хотела прийти в футболке, – успела я шепнуть на ухо Лукасу. – Нацепила блузку, только потому что с футболки не отстиралась «Нутелла».

– Ты же знаешь маму с папой.

– Люк, вон та женщина – в жемчугах!

– Это наш мэр.

– Ну ещё бы.

– Что не так? – Лукас хихикнул.

– «Только семья и близкие друзья», – сказала твоя мама. Скромная вечеринка. Я думала, вроде той, что в прошлом месяце устроила Роза. Мы сидели на улице и ели фастфуд, и к нам появился её усатый сосед...

Лукас рассмеялся в бокал с апельсиновым соком.

– Буду рад узнать побольше об усатом соседе, – сказал он, – но мне нужно забрать Мари.

И вот я стою тут и жду, когда уже вернётся Лукас. Больше я никого тут не знаю, не считая Жана и Аманды, и не могу вмешаться в разговор, а единственный человек, который попытался со мной заговорить – мэр в жемчугах, но я ни черта не поняла на её ужасно громком и чрезмерно эмоциональном английском, напоминающим скорее неандертальский диалект, и она, смущённо рассмеявшись, ушла, несколько раз обернувшись через плечо, чтобы, видимо, проверить, не прыгну ли я на неё сзади и не проломлю ли ей голову. Но, не считая этого, мне тут уютно. Это своего рода мой второй дом, потому что у меня и первого-то никогда не было. Мою комнатку на Фишерс-Уэй я ещё не воспринимаю как дом, да и квартиру, где мы жили с Адамом, я тоже так не воспринимала. Но тут мне хорошо. Обо мне заботятся. Может быть, поэтому я ощущаю, что здесь мой дом. Может быть, это совсем не место, а чувство. Что тебя понимают, о тебе заботятся. Тебя любят.

– Ну? Будем смотреть или начнём есть?

Я узнаю голос до того, как оборачиваюсь, и моё тело тут же напрягается, кожа покрывается мурашками. Ну конечно. Элиот. Зелёная бутылка с пивом прижата к груди, лицо расплылось в широкой, дразнящей улыбке.

– О, привет!

– Это десертная вечеринка или что? Никто и не дотронулся до десертов.

Я указываю бокалом на другой конец стола.

– Думаю, все заняты канапе. И салатами тоже.

– Нет уж, листья есть я не желаю. А вот выпечка – другое дело, – Элиот улыбается, поднимает вверх тёмные брови и вслед за ними – бутылку, словно хочет произнести тост. – Рад тебя видеть, Эмми. Как дела?

Трудно поверить, но когда-то Лукас, Элиот и я были неразлучными друзьями. Я помню день, когда Лукас рассказал мне об Элиоте. В один из наших первых телефонных разговоров, незадолго после той первой переписки.

– Да, у меня есть брат, Элиот, – сказал он. – На три года старше.

– Всегда хотела брата или сестру, – я вздохнула, и Лукас рассказал мне, что у них разные отцы. Жан и Аманда сошлись после того, как не стало отца Элиота, Джона. Жан и Аманда были коллегами, и неожиданно получился Лукас.

– Я забываю, что он мой сводный брат, – гордо заявил Лукас. – Мы с ним не разлей вода.

Они всегда были вдвоём, а когда приезжала я – мы были втроём. Элиот, как самый старший и как самый первый обладатель водительских прав, возил нас куда угодно: на пляж, в парк, на вечеринки, – и мы пели, громко и ужасно, под его стереосистему, всегда включенную на полную мощность.

– Всё хорошо, спасибо, – говорю я Элиоту. – А ты? Ты один пришёл?

– И я нормально, – он кивает, потирает тёмную щетину на подбородке. – И нет, я не один. Со мной моя девушка Ана, – Элиот выгибает шею, обводит глазами комнату. – Где-то тут.

Ага. Значит, Ана. Элиот развёлся пару лет назад, и Ана была его психотерапевтом.

– Только представь, – удивлялся Лукас, – кто-то видит самые гнусные стороны твоей души, может быть, видит, как ты ревёшь, словно последний кретин, потому что твой брак распался, – и влюбляется в такое.

– Да это просто мечта! – сказала я. – Значит, тебя полюбили по-настоящему, несмотря на все недостатки и всё дерьмо, что с тобой случилось.

– Да, но спать с мозгоправом? – Лукас покачал головой. – Упаси Господь, Эм.

– А где же Люк? – интересуется Элиот. Его широкие плечи расслаблены, свободная рука спрятана в кармане джинсов. Раздолбай – вот как зовёт его Лукас. И хотя этот термин не совсем подходит Элиоту, в сравнении с Лукасом он и впрямь выглядит раздолбаем. Лукас всегда при параде, свежевыбрит, его волосы приглажены и смазаны гелем. Элиот же вечно небрит и одет так, словно собрался на концерт в Кэмден-Тауне. Джинсы, футболка, конверсы, иногда шляпа. Так он оделся и сегодня, минус шляпа, плюс тёмно-синий блейзер.

– Поехал за Мари, – отвечаю я. – Она сегодня без машины, что ли.

– А-а. За невестой.

Я ничего не говорю, только киваю. Молчит и он. Смотрит на меня, ожидая ответа.

– Да, – говорю я. – Всё это так волнительно, правда?

– Да ну? – он удивлённо приподнимает брови, будто ждал от меня каких-то других слов. – Мама сказала, что ты подружка жениха.

– Да. А ты...

– Брат жениха, – уголки его рта приподнимаются в улыбке.

– Точно. Всё так волнительно...

– Ты уже говорила.

Мы пьём, и тишина между нами натягивается, как струна. Когда-то меня сжирало осознание того, что мы с Элиотом из лучших друзей стали чужими людьми, неспособными поддержать банальный разговор. Я лежала ночами без сна, мучая себя воспоминаниями, которые, как кадры, всплывали в памяти: вот мы с Элиотом сидим за столом и истерически хохочем, после того как Жан отругал Лукаса за нецензурные слова за обедом; вот Элиот, прижав к носу платочек, изображает безутешные рыдания, а Лукас так же несерьёзно его

успокаивает – они провожают меня на поезд, как супруга на войну. Вот я не могу уснуть, выбираюсь в сад подышать свежим воздухом и вижу Элиота, который, согнувшись над телефоном, пишет сообщения подружке или слушает музыку в наушниках и тихонько подпевает. «Добро пожаловать в клуб неспящих, – всегда говорил он, – выберите, какую психологическую травму хотите обсудить, и присаживайтесь». Я отчаянно скучала по Элиоту, но напоминала себе, что именно из-за него мне остались только эти воспоминания. Понемногу тоска по нему сменилась гневом, а гнев – своего рода безразличием. Теперь у меня не было Элиота, зато остался Лукас. И он был единственным другом, в котором я нуждалась.

– Немного нелепо, да, – говорит Элиот. – Не мне, конечно, судить, но не знаю, всё слишком уж...

– Быстро? – предполагаю я, и он кивает.

– Да, наверное, я это и хотел сказать. Но, с другой стороны, это же Люк, верно? Мистер Внезапность. Думает, что должен идти в ногу со всеми, – Элиот наклоняется поближе. – Но такое мы уже проходили. Когда в универе он хотел жениться на той жуткой девице, Холли.

– Ну, тогда он был почти ребёнком.

Элиот наклоняет голову, как бы желая сказать: «Да, но тем не менее».

Я оглядываюсь, чтобы убедиться, что меня никто не слушает. Я хотела бы согласиться и добавить в этот список ещё несколько эпизодов: как он отправился путешествовать дикарём, потому что так делали все его друзья, и спустя месяц вернулся домой, потому что «не смог вломиться ни в один отель»; как он съехался с Джоанной, адвокатом на десять лет старше него, зная её чуть больше месяца, чтобы ещё через месяц разъехаться; и много чего ещё. Но я молчу, потому что Лукас – мой друг, а Элиот, который к тридцати двум уже успел развестись, видимо, просто завидует. Может быть, на его месте я бы тоже завидовала. И, если уж совсем честно, я не доверяю Элиоту. Не могу ему доверять. Да, прошло уже одиннадцать лет с той ночи, когда нам с Лукасом исполнилось девятнадцать, но он так и не извинился за то, что совершил. За то, что мы трое уже больше никогда не ездили никуда на машине, не забирались под одно одеяло, не смотрели фильмы и не пили пиво Жана из кофейных

кружек. За то, что разорвал связь, которую мы втроём сплетали два года.

– Ну нет, Мари не такая, – наконец говорю я как можно небрежнее. – Она просто чудо. Честно.

И она в самом деле чудесная. Несмотря ни на что, несмотря на мои чувства и боль, от которой моё сердце едва не разрывается, я не могу назвать её никак иначе.

– Нет, ты только не пойми меня неправильно, – бормочет Элиот. – Я просто... ну, скажем так, я пока ещё не собирался покупать костюм. Я имею в виду...

– Канада, – перебиваю я. – Лукас говорит, ты целый год прожил в Канаде. Расскажи мне про неё.

Глаза Элиота чуть сужаются от такой внезапной перемены темы, но он соглашается её поменять.

– Д-да, с приятелем. Марком. Мы вместе работаем, он столяр, и у него была там куча заказов. А мне, если честно, нужно было вернуться в норму.

– После развода?

– Да, – сухо отвечает он. – Идеальное место, чтобы вытащить голову из задницы. Там, где мы жили, красиво. Тихо. Можно почувствовать, что ты в самом деле приходишь в себя.

– Скучаешь?

Он кивает.

– Да. Если честно, думаю в ближайшее время туда вернуться. Марк хочет открыть свой бизнес... – и в этот самый момент появляется Ана. Я узнаю её по фото с дня рождения Жана, которое Аманда в прошлом году выложила на фейсбук. Высокая, лицо в форме сердечка, широкая белозубая улыбка. Которая мгновенно исчезает при виде меня.

– Привет, – говорит Элиот. Рука Аны обвивает его плечо, ложится ему на грудь. – Ана, это Эмми.

– Эмми? – лицо Аны кажется каменным. – Эмми Лукаса?

– Да, – я улыбаюсь шире, чем обычно, пытаюсь вновь вызвать ответную улыбку, но ничего не удаётся. Я протягиваю ей руку. Она берёт её, как змею, и тут же выпускает.

– Рада знакомству, – говорю я, и она отвечает просто:

– И я.

Потом поворачивается к Элиоту и что-то шепчет ему по-французски. Его щёки чуть заметно вспыхивают, и он сконфуженно смотрит на меня и бормочет:

– Эмми, нам пора идти, нужно пообщаться кое с кем...

Ана вновь встречается, бормочет что-то непонятное, тянет его за плечо, и, прежде чем Элиот попытается ещё что-нибудь сказать, я обрываю его страдания.

– Увидимся. Пойду поем листьев, – и скрываюсь в противоположном направлении. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты, так ведь? Никогда не думала, что брат Лукаса будет встречаться с такой сучкой, но, с другой стороны, надменная Ана и завистливый Элиот – отличная пара, не сомневаюсь.

Я брожу среди гостей, в облаке их духов и сладкого винного запаха, нахожу местечко, чтобы встать и полакомиться помидорами в бальзамическом уксусе. Я наблюдаю за Элиотом и Анной, которые улыбаются друг другу и переплетают пальцы, за Жаном, который с гордостью рассказывает о талантах Аманды всем, кто готов слушать, я обвожу глазами комнату – и вижу одни только счастливые пары.

Я же справлюсь, верно? Я смогу стать самой лучшей подружкой жениха. Пусть Лукас женится, пусть. Я не против. Я буду только ждать и верить. Может быть, наша судьба похожа на судьбу Патриса и его жены. Может, нам понадобится двадцать лет и два брака – ему – чтобы всё осознать. Это должна быть я. Это

должны быть мы.

Я ставлю пустую тарелку в раковину и прохожу в холл, направляясь в маленькую каморку с низким, как в туалете, потолком. Но входная дверь щелкает и открывается. Лукас и Мари стоят в дверном проеме, Лукас одной рукой достаёт ключ, а другой обнимает невесту. Кольцо на пальце Мари блестит, как люстра в коридоре.

- Эмми! - она выскользывает из объятий Лукаса, раскрывает мне навстречу тонкие загорелые руки. - Ты пришла! Давай присядем? Мне нужно столько всего тебе рассказать! Ой, какая ты красивая! - она обвивает меня руками, прижимается к моему лицу тёплой надушенной щекой.

- И ты. Ты просто чудо.

Невозможно. Просто невозможно назвать её как-то иначе.

Глава девятая

Кому: Emmie.Blue@gmail.co.uk (mailto:%20Emmie.Blue@gmail.co.uk)

От: Hina@recruitment1.com (mailto:%20Hina@recruitment1.com)

25/06/18

Тема: Должность помощника школьного психолога

Дорогая Эмми,

Мне хотелось бы знать, будет ли Вам интересна вакансия помощника психолога в местной средней школе. Я знаю, что вы предпочли бы работу, не связанную со школой, но, на мой взгляд, было бы обидно упускать такой шанс, учитывая Ваш

предыдущий год обучения в сфере образования и профессиональной подготовки и Ваш опыт работы в сфере администрирования. Зарплата также весьма конкурентоспособна.

Вы хотите, чтобы я организовала собеседование?

С уважением,

Хина Альви, специалист по подбору персонала.

Смех универсален. Чтобы понимать смех, не нужно знать языка, на котором смеются. Я целых полчаса прождала на автобусной остановке, и автобус за автобусом проезжали мимо, и ни на одном из них не было написано «Кале», и, промучившись полчаса, глядя на бесконечные автобусы и бесконечных пассажиров, заходивших и выходявших, я наконец влезла в первый попавшийся и, как могла, объяснила водителю на самом лучшем французском, на какой была способна, что мне нужно попасть в Кале.

Он смеялся. Целую вечность. Как будто проходил пробы на фильм «Смеющийся полицейский».

– Нет никакого Кале, – буркнул он, отсмеявшись, из-под густых чёрных усов. – Уже давно.

– Но... я посмотрела в гугле... – жалко промямлила я. Водитель упёр пухлые руки в бока, как бы спрашивая: «И чего вы от меня хотите, юная леди?»

– Раньше была такая остановка, да, – проворчал он. – Но теперь нет. Уже с декабря. Берёте такси до Булоня, там пересаживаетесь на автобус. Или поезд. Но... – он постучал по стеклянному циферблату часов, пожал плечами, – можете не успеть.

Меня охватила паника; я стояла, не двигаясь, целую минуту, вся в поту, пока до меня не дошло, что полный автобус людей тарашится на меня с таким видом, будто все они очень хотели бы меня выпотрошить. Я вышла из автобуса и печально наблюдала, как хлопнули шаткие двери и как он унёсся прочь.

Раньше такого не случилось. Меня всегда подвозил Лукас. Теперь он написал мне сообщение. «Не хотел будить тебя, Эм, но меня резко вызвали на работу, – читала я слипшимися спросонья глазами, – чёрт бы побрал Фредерика. Настоящий сукин сын! Ты сама доберёшься до Кале? Я оставил визитку такси на кухне возле кофемашины. Местное такси, надёжное. Прости, что так вышло. Напиши, как доедешь!!!»

И хотя ничего такого не случилось – это работа, что тут поделаешь – мне всё же пришлось постараться, чтобы заглушить липкий страх в животе. Страх оттого, что я не могу позволить себе такси, пока не получу зарплату. Страх, который нашептывает: «Теперь он женится, и всё изменилось, Эмми. У него больше нет времени подвозить тебя, как раньше».

Прошло ещё десять минут, прежде чем я наконец признала поражение и под палящим солнцем побрела обратно в дом Моро. Ворота в сад широко распахнуты, я слышу звук пилы Элиота и бурчание радио, и мне очень хотелось бы, чтобы у меня была возможность вызвать такси, заплатить, вне зависимости от стоимости, и не видеть ухмылки Элиота, как бы заявляющей: ну я же тебе говорил!

После десертной вечеринки он тоже остался на ночь – спасибо, хоть без Надменной Аны. Элиот – плотник. «Не плотник, а мастер мебельного искусства», – поправлял он меня всякий раз, когда работал на местного дизайнера мебели. Ну а сегодня его припахали работать в саду, делать деревянную сцену. Мы почти не разговаривали утром, пока пили кофе, и когда я уходила на автобус, он поднял глаза, стянул свою маску от пыли и заявил мне, что автобусы до Кале больше не ходят.

– Вообще-то ходят, как раз через пятнадцать минут будет один, – сказала я, проходя мимо него, выпрямила спину и нацепила солнцезащитные очки.

– Уверена?

– Да, – пропела я, – старый добрый гугл никогда не подводил.

Элиот пожал плечами и сказал:

– Ну хорошо. Увидимся.

Теперь он смотрит, нисколько не удивляясь, как я плюхаюсь в шезлонг. Какое-то время не двигается с места, потом встаёт. От жары я едва могу дышать, но Элиот, кажется, ощущает себя вполне комфортно. На нём только джинсы, его грудь золотится, мягкие волоски на предплечьях – все в налипших опилках. Он стягивает маску.

– Автобусов нет, – выдыхаю я. Мои обожженные солнцем щёки горят.

– Да, – отвечает он. – Кажется, я так и сказал.

Я киваю, задыхаясь. Тридцать один градус, воздух стоит душный и густой, как сироп.

– Тебя подвезти на станцию? – Элиот утирает локтем лоб. Я обмахиваюсь рукой, как веером, и не знаю, соглашаться ли. В конце концов говорю:

– Да.

– Не вопрос. Когда твой пароход?

– В три.

Он смотрит на часы на толстом коричневом кожаном ремне.

– Хорошо. Закончу с этим, и садимся в машину. Окей?

Стыд колет мою спину, как иголки и булавки. То ли оттого, что я не могу позволить себе такси. То ли оттого, что я вынуждена полагаться на Элиота.

– Да, – говорю я. – Спасибо, Элиот.

Он пожимает плечами, вновь натягивает маску и продолжает пилить.

Потом, сидя на водительском месте, он говорит:

– Значит, Лукас бросил тебя на произвол судьбы, – и поправляет красную бейсболку козырьком назад, из-под которой торчат каштановые пряди.

– Я добралась бы без проблем, если бы автобусы ходили.

Элиот кладёт руку на колено, другой слабо сжимает руль.

– Лукас всех бросит ради босса. Как его там. Чувак с бровями.

– Фредерик.

– Точно, – Элиот кивает.

– Ну, он оставил мне контакты такси и написал, чтобы я...

– А почему ты не вызвала такси? – Элиот отводит взгляд от дороги, приподнимает плечи, как бы спрашивая: «Ну?»

– Ты же сам вызвался меня подвезти.

Он едва не подпрыгивает.

– Да ну что ты. Я просто спросил, – он усмехается.

– Ну ладно, – я чувствую облегчение, когда он включает радио погромче.

Фургон Элиота гремит на повороте, запах креозота и сладкий аромат опилок напоминает мне о временах, когда я только начала приходить в гости к Моро. Элиот возвращался домой с работы в заляпанной лаком футболке, с пыльными волосами, и, поздоровавшись с нами, шёл вверх, чтобы присоединиться к нам за ужином, уже вымывшись.

– Хорошая машинка, – смеялся Лукас, указывая на грузовик, припаркованный под окном кухни.

– По крайней мере у меня хоть такая есть, – отвечал Элиот.

– По крайней мере я не похож на старьёвщика, – парировал Лукас, подталкивая меня локтем, а Элиот наклонялся ко мне через стол и говорил:

– Спроси Люка, как там его машинка, Эмми. Его маленький БМВ. Когда он уже появится?

Я хихикала, а Жан сурово смотрел на нас поверх очков и ворчал:

– Ну-ка хватит, мальчишки! Ешьте мамин ужин молча. А ты, Эмми, не слушай их.

Я любила эти вечера. Ощущала себя частью семьи. Семьи, которую я видела в окнах чужих домов. Они сидели за обеденными столами или перед телевизорами, а я шла мимо них к себе и в холодные, тёмные зимние вечера любовалась ими сквозь запотевшие стёкла. «Какой лёгкой и прекрасной была бы моя жизнь, – думала я, – если бы Аманда была моей мамой, а Жан – моим папой. Если бы я приходила к ним ужинать каждый день...»

– Прости, – кричит Элиот, перекрывая музыку. – Не хотел тебя обидеть. Ты имеешь право добираться на станцию на чём хочешь. На такси, на драконе, на дельтаплане, – он смотрит на меня и смеётся, – на чужом грузовике.

Я неохотно улыбаюсь и признаюсь:

– Я сейчас не могу позволить себе такси. У меня осталось тринадцать фунтов, и всю эту сумму я потрачу, чтобы заполнить холодильник. Ну, может, ещё куплю сэндвич на пароходе. Автобус вышел бы дешевле.

Элиот кивает.

– Лукас мог бы оставить тебе немного денег на...

– Он не знал, – перебиваю я. – Ему было бы неловко, что он попросил меня приехать сюда при том, что у меня нет денег. Но я рада, что приехала. И мне не хотелось брать займы, так что... – я не договариваю, смотрю в окно. Небо такое синее, как будто машину перевернули вверх ногами и над нами океан. Ни

облачка. Только бесконечное синее небо. Думаю, по такому небу к Лукасу и прилетел мой шарик.

- Очень сочувствую, Эмми, - говорит Элиот. - Проблемы с работой?

- Не то чтобы проблемы... это просто жизнь. Я немного влезла в долги пару лет назад, потому что пыталась снимать квартиру, которую не могла себе позволить. В итоге перебралась кое-куда подешевле, и это очень хорошо, потому что в гостинице платят мало, но работаю я сменами, так что есть время устроиться куда-нибудь ещё. Очень мало остаётся... к концу месяца. Но всё хорошо. Гораздо лучше, чем было.

- Рад слышать, - вежливо замечает Элиот. - Иногда жизнь - та ещё стерва. Подстраивает нам неприятности, где мы не ждём. Сбивает нас с пути.

- Именно, - я улыбаюсь. - Но мне кажется, на то есть причины.

- Серьёзно?

Я смотрю на него, приподняв бровь.

- Ага. А тебе так не кажется?

Элиот смеётся, потирает небритый подбородок.

- Хм... нет. Точно нет, - он криво ухмыляется. - Это просто... жизнь, вот и всё. В ней нет никакого порядка, никакой системы, и мы должны стараться всё спланировать, чтобы ориентироваться в ней как можно лучше.

Я смотрю на Элиота из-под очков.

- Так, значит, ты не веришь в шансы, которые нам даёт судьба?

- Господи, нет, - его розовые губы изгибаются в ухмылке. - Ну, может быть, раньше верил. Когда был моложе. Но... годы идут, и ты понемногу понимаешь, что надо как-то держаться, да? Стараться сделать её как можно лучше. Вот и всё, что мы можем. Думать, что нас поддерживает какая-то божественная сила -

насколько глупым надо быть, чтобы всерьёз... что?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Простите, с вами всё в порядке? (франц.)

2

Британская мыльная опера 1970-х о жизни на ферме.

3

Персонаж английской мыльной оперы «Улица Коронации», самого длинного сериала в истории, идущего с 1960-го года по настоящее время.

4

9

«X» в конце английских писем является частью своеобразного неформального этикета и означает поцелуй. Один крестик ставят в письме как знак симпатии, два ставят друзьям, три – возлюбленным.

10

Настольная игра. Игроки по очереди достают деревянные блоки из основания башни и кладут их наверх, делая башню всё выше и неустойчивее.

11

Роман Стивена Кинга.

12

Американский ситком о жизни подростков.

13

Шоколадный магнат, герой сказочной повести Роалда Даля «Чарли и шоколадная фабрика».

14

Модель (род.1980)

Купить: https://tellnovel.me/ru/luis_lia/dorogaya-emmi-blyu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)